

Данный файл содержит электронную версию книги «Технократизм – вектор развития глобализации». Распространяется свободно. www.t-e-nm.ru

Андрей Витальевич Миронов кандидат философских наук, доцент кафедры философии естественных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова

1. Миронов А.В. Введение в историю науки: математика, физика, химия, биология, геология: учебно-методическое пособие по курсу «Концепции современного естествознания». – М.: Институт открытого бизнес-образования. Научные труды, 2002 г. – 5,5. п.л.
2. Миронов А.В. Концепции современного естествознания: математика, физика, астрономия, химия, науки о Земле, биология, человек, синергетика (учебное пособие для юридических вузов). М.: Институт государства и права Российской академии наук, Академический правовой университет, 2003. – 13 п.л. ISBN 5-94073-050-7.
3. Миронов А.В. Технократизм – вектор развития глобализации. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 131 с. – 8,3 п.л.
4. Миронов А.В. Философия архитектуры: Творчество Ле Корбюзье. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 292 с. – 11,8 п.л. ISBN 978-5-317-03961-5.
5. Миронов А.В. Философия социо(техно)–природной системы: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 192 с. – 8,5 п.л. ISBN 978-5-317-04350-6 (Есть свободно распространяемая электронная версия).

Отзывы и предложения пишите автору, e-mail: avmmsu@gmail.com

Внимание: в 2014 выходит новая книга: А.В. Миронов «Философия науки, техники и технологий».

Отзывы и замечания отправляйте по e-mail: avmmsu@gmail.com

А.В. Миронов

Технократизм – вектор развития глобализации

МАКС ПРЕСС

Москва

2009

УДК 1/14
ББК 87
М 64

Рецензенты

Доктор филос. наук *В.М.Розин*
Заслуженный деятель науки РФ,
академик Всемирной экологической академии,
доктор филос. наук *Г.И.Рузавин*

Миронов А.В.

Технократизм – вектор развития глобализации. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 132 с.
ISBN 978-5-317-02756-8

Происходящие глобальные изменения в культуре требуют внимательного изучения. Под воздействием науки, техники и технологий возникают новые ценности, формируется новая культура. Рациональное мышление – основа современного прогресса – стало превращаться в технократическое. Опасность этой трансформации в неадекватности происходящим событиям. Проявления кризиса как в области отношения человека к природе, так и в сфере личностных коммуникаций показывают не только опасность дальнейшего развития цивилизации по пути прогресса, но и необходимость критики технократического мышления, усугубляющего кризисные тенденции.

В книге впервые предложен анализ ценностных оснований технократизма – этики технократизма. На примере творчества великого французского архитектора Ле Корбюзье проиллюстрировано противостояние технократического мышления потребностям человека. Также рассмотрены религиозные основания экологической этики, показана несостоятельность попыток разрешения глобального экологического кризиса при помощи формирования новых экологических этик, противостоящих христианству.

Для читателей, интересующихся философскими проблемами глобализации.

УДК 1/14
ББК 87

В оформлении обложки использовано изображение Модулора Ле Корбюзье

ISBN 978-5-317-02756-8

© Миронов А.В., 2009

Дочке Наташе и сыну Серёже

Оглавление

Введение.....	7
1. Возникновение и развитие технократических представлений.....	12
2. Технократизм как альтернатива теоцентризму и антропоцентризму.....	17
3. Технократическая этика.....	29
4. Ценности технократизма.....	38
5. Технократическое мышление.....	55
6. Ле Корбюзье как яркий представитель типичного технократического мышления.....	65
7. Современные технологии, технократизм и проблемы образования.....	101
8. Технократизм и новая экологическая этика.....	108
Футурологическое заключение.....	122
Литература.....	124

Введение

Технократизм обычно рассматривается, как претензия на власть со стороны инженеров и ученых. Политическая борьба скрывает более серьезные и глобальные процессы, происходящие в культуре. Естествознание, а потом и основанная на ней инженерная деятельность привели к кардинальному изменению природы и общества. Эти изменения осознаются сегодня на мировом уровне как экологический кризис. Выход из создавшегося положения пытаются найти политики. В духовной сфере экологический кризис проявляется в виде разрушения культурной идентичности. Но наряду с разрушением существующих культур происходит формирование новой культуры. Ее основа – новые ценности, ее проявление – новое мышление, которые могут быть определены одним словом – технократизм.

Глобальность происходящих изменений затрагивает ценностный мир экономически активного населения, вовлеченного в мировое производство. Достижение успеха, обеспечение экономического развития страны и ее политической стабильности возможно при интеграции в единое экономико-политическое пространство. В политике правила игры задаются и навязываются в явной форме. В сфере культурной трансформации наиболее заметна агрессия кинематографа, музыки, СМИ, формирующих предпочтения у индивидуумов. Эта видимая часть процесса формирования новой глобальной культурной идентичности наименее опасна; в конце концов, ей можно противостоять как на государственном уровне путем принятия запретительных законов и поддержкой национальной культуры, так и на уровне индивидуальных предпочтений, системы образования и обучения национальной культуре. Но наряду с этой очевидной частью существует менее заметная, но более действен-

ная – унификации культур. Это воздействие более опасно, так как оно не вызывает явного конфликта с существующей на данной территории культурой. Когда конфликт возникает, то он воспринимается как несоответствие индивидуальных особенностей потребностям бизнеса и производства. Суть этого конфликта в разнообразных технологиях, как производственных, так и социальных, в которые вовлекается человек. Существует представление о том, что наука, техника и технологии обладают этической нейтральностью [106. С. 36-37]. В отношении науки эта точка зрения подвергнута ревизии, и наука возвращена в лоно этической проблематики. Но техника и особенно технологии долго оставались вне этического осмысления¹. Подавляющее большинство технологий рассчитано на некоего среднестатистического человека, лишённого национальных культурных особенностей. Технологии интернациональны в своей ценностной основе, но отнюдь не нейтральны по отношению к существующим культурам. Задача, которую я ставлю перед собой, – раскрыть эти особенности и показать формирование нового глобального мира на основании технологий и формируемых в соответствии с ними ценностных предпочтений.

Влияние технологий на формирование новой культурной идентичности приобретает всемирный характер. Консолидация людей в технологиях приводит к унификации их ценностных предпочтений, и эта унификация происходит ненасильственным образом. Кажется, что никто и ничто не заставляет человека отказываться от своей культуры, но успешная совместная деятельность возможна только при обретении новых ценностных предпочтений. Эти ценности, формируемые благодаря технологиям, никогда никем не были высказаны в явной форме.

Формирование профессиональных этических кодексов только приоткрывает завесу над новой этикой. Профессиональные этики не могут претендовать на роль выразителя новых «общечеловеческих»

[8]

¹ Обзор литературы и проблемы этической нагруженности технологий см.: [109. Рр. 5-6 и далее].

ценностей. Сами новые «общечеловеческие» ценности – это ценности, делающие возможным существование единого мирового бизнеса и производства. В предлагаемой работе впервые осуществлена попытка формулировки новых ценностей – ценностей технократизма.

Эта новая этика вступает в противоречие с ценностями антропоцентризма и теоцентризма.

Для рассмотрения технократических ценностей и соответствующего мышления было рассмотрено творчество великого архитектора Ле Корбюзье. Его мышление, основанное на ценностях технократизма, позволило наглядно продемонстрировать, насколько оно «продуктивно» в решении насущных проблем современного общества. Являясь наиболее значимым архитектором ушедшего столетия, Ле Корбюзье приобрел не только многочисленных сторонников и последователей, но и критиков. Его умение маскировать истинные цели своего творчества гуманистической фразеологией заслуживают большего внимания, чем откровенные технократические высказывания. Благодаря многочисленным теоретическим работам в области философии архитектуры, перед читателями он предстает ярким образцом технократического мышления, приобретающего все большую значимость.

Из всех искусств архитектура является самой зависимой от науки, техники и технологий. В эпоху глобализации эта зависимость архитектуры только усиливается. Возникновение международной моды в архитектуре предполагает использование науки, техники и технологий. мода в архитектуре стремится объединить различные страны и культуры. Внешний облик архитектурных сооружений, несущий на себе следы национальных традиций, не должен вводить в заблуждение. Интернациональными являются практически все стили прошедшего века, за исключением, пожалуй, части русского модерна, да творений А.Гауди, несущих в себе неистребимые черты русских деревянных теремов или уникальной фантазии архитектора. Причина такой интернационализации заключена не только в единстве научно-технической основы строительства и архитектуры, но и в миграции архитекторов по всему миру, быстрому распространению визуальной информации, формированию глобальной моды в архитектуре.

В эпоху глобализации архитектура становится проводником новых ценностей, а архитектор – их непосредственным создателем и выразителем. Интерес к деятельности архитекторов обусловлен также тем, что помимо реализованных зданий некоторые архитекторы выступали с программными заявлениями. В отличие от других видов искусств, архитектура постоянно и непосредственно интегрирована в жизнь и деятельность всех людей. С этим искусством по своему воздействию на людей не сопоставимы ни музыка, ни литература, ни кинематограф.

Анализ творчества Ле Корбюзье позволяет выявить многие черты, свойственные технократическому мышлению, наличие ценностных предпочтений, доминирующих во всемирной культуре.

Технократические ценности проявляются в различных сферах человеческого бытия. Образование и экологический кризис лишь представляют собой вершину айсберга. Непрерывающиеся попытки унифицировать образование, так называемый «Болонский процесс», поиск решения глобальной экологической проблемы и переход в стадию Устойчивого развития демонстрируют многообразные проявления технократического мышления.

Учитывая опасность технократических решений, необходимо искать такие решения, которые противостояли бы унификации, сохраняли и развивали существующее разнообразие культур. Без анализа технократического мышления поиск подобных решений если и возможен, то невероятно труден.

Благодарности

Я хочу поблагодарить Ученого секретаря философского факультета МГУ им. Ломоносова Наталью Мартэновну Сидорову взявшую на себя труд прочитать данную работу и указать на ряд недочетов. Последние были исправлены в силу способностей автора.

Особую благодарность я приношу Ксении Владимировне Ахватовой, ВМК МГУ им. М.В.Ломоносова, проделавшей большую редакторскую работу. Ее вопросы и замечания сделали многие положения данной книги более понятны и для меня, и, надеюсь, для читателей.

Хочу высказать признательность студентам МГУ им. М.В.Ломоносова за моральную, интеллектуальную и техническую поддержку, за нестандартные вопросы и чувство юмора.

Наконец, я благодарен своим детям Наташе и Сереже, просто за то, что они есть. Надеюсь, что они не будут мыслить технократично.

[11]

1. Возникновение и развитие технократических представлений.

До чего дошел прогресс – труд физический исчез...
Ю.Энтин

Проявление технократизма как формы мышления можно проследить уже в древней истории цивилизации. Л.Мэмфорд убедительно реконструирует древние технократические общества [68]. В философии первая из дошедших моделей общества – «Идеальное государство» Платона – проникнута идеей технократизма, в которой все биологические и социальные основания бытия социума жестко определены. Учение Платона в разные исторические эпохи было популярно, что подтверждает распространение технократического мышления. Среди всевозможных модификаций модели государства Платона наиболее значимым является «Новая Атлантида» Ф.Бэкона, в которой впервые предложено сосредоточить власть в руках ученых.

Термин «**технократизм**» (от греч. «technē» – искусство, ремесло, мастерство и «kratos» – власть) первоначально использовался для описания **претензии на власть инженерно-технической и научной элиты**. Но по сути своей технократизм – это еще и специфическая форма мышления, которая в определенные исторические периоды доминирует в сознании людей. Для дальнейшего понимания необходимо дать определение технократизму как широко распространенному социальному явлению. Я определяю **технократизм как 1) перенос профессионального мышления и ценностей из сферы научной и/или инженерной деятельности, а также любой**

профессиональной среды на все остальное многообразие отношений; 2) абсолютизацию математических моделей – придание им онтологического статуса².

Такое проявление технократизма заметно в среде вольных каменщиков; Л.Н.Гумилев цитирует Cochin Augustin: «Здесь выработывался тип человека, которому были отвратительны все корни нации: католическая вера, дворянская честь, верность королю, гордость своей историей, привязанность к обычаям своей провинции, своего сословия, гильдия. [...]. Реально то, что считают другие, истинно то, что говорят, хорошо то, что они одобряют. Доктрина становится не следствием, а причиной жизни. [...]. Среда его обитания – пустота, как для других – реальный мир; он как бы освобождается от пут жизни, все ему ясно и понятно; [...]. Как следствие – убеждение, что все следует заимствовать извне (...)... Будучи отрезан от духовной связи с народом, он смотрит на него как на материал, а на его обработку – как на техническую проблему» [22. С. 168]. Технократизм такого рода пронизывает всю историю человечества. В терминах, используемых Л.Н.Гумилевым, такое мировоззрение определяется как «антисистема», направленная на «уничтожение» системы [22. С. 171-172].

В работе А.Сен-Симона и О.Конта [87] технократические утопии начинают приобретать философско-политическое обоснование. Первые работы, непосредственно сформулировавшие претензии научно-технической элиты на власть, появляются в XX в., когда Т.Веблен, американский экономист и философ, в работе «Инженеры и система цен» предлагал захват власти инженерами, формирующими «Совет технических специалистов» [115. Рр. 149-150]. С этого момента технократическая утопия стала политиче-

[13]

² «Признавая числа за сущность всего существующего и считая Н-распределение отражением фундаментальных свойств природы, согласимся все в природе изменяется, подчиняется числу [...]; познать мир и его закономерность – значит познать управляющие им числа» [41. С. 49].

ским движением³. Несмотря на то, что «технические специалисты» так и не захватили власть, именно к политической стороне технократизма было приковано внимание исследователей⁴. В культуре усилилось влияние технократических идей. «Технократический дух также несли в "прекрасные" искусства авангардистских практик вариантов различных радикальных инновационных стилей связанных с ранним модернизмом. Манифест итальянских футуристов; мода геометрического абстракционизма, иллюстрируемого работой Mondrian и образцами "Машинного Искусства"; доктрины рецизионизма и конструктивизма; празднование технологического функционализма в архитектуре Ле Корбюзье, Миса ван дер Роэ, и других образцов международного стиля – все эти тенденции иллюстрировало проникание в культуру современности своего рода технократического утопизма» [110. Рр. 251-252]. Для культуры XX в. технократические черты стали отличительной и доминирующей особенностью.

Культура отражала значительные изменения, происходящие в мышлении. На их основе формировалась новая постмодернистская глобальная система ценностей, до поры до времени остававшаяся неразличимой на фоне ценностей христианства и эпохи модерна. Развитие цивилизации, основанной на применении естественнонаучного знания для трансформации окружающего мира, способствовало развитию рационализма в мышлении. Очередным достигнутым рубежом стало возникновение технократической формы рационализма. Новый этап распространения технократизма как доминирующего типа мышления начался во второй половине XIX века. В это время применение техники затронуло сферу повседневного существования людей. Распространение водопровода, канализации, газовых плит, центрального отопления, городского

[14]

³ См. обзоры технократизма, как политического движения в [27], [45],[47], [101].

⁴ Подробный обзор технократизма как властных устремлений см.: [116. Рр. 135-146].

транспорта, электричества, телеграфа, а позднее кинематографа, телефона, радио, звуковоспроизводящих устройств, фотографии и т.д. настолько кардинально и быстро изменило быт, что все происходящие перемены стали рассматриваться сквозь призму технического прогресса. «Принципы организации производства стали проецироваться на организацию быта» [31. С. 200]. Распространению технократического мышления способствовали: промышленное производство, система образования, достижения науки, внедрение техники во все сферы человеческой деятельности, архитектуру, искусство. Повсеместно эталонами красоты стали инженерные конструкции от Эйфелевой башни до современных транспортных коммуникаций. Современная ситуация, на мой взгляд, позволяет говорить о доминировании технической реальности над остальными проявлениями культуры.

В середине XX в. пришло понимание технократизма как определенной формы изменения общества под воздействием научно-технического прогресса [72]. Технократическое мышление приобрело широкое распространение за счет воздействий, оказываемых наукой, техникой и технологиями на все стороны жизнедеятельности людей. Происходит формирование новых общественных отношений и возникают новые ценностные основания культуры, т.е. новая культурная идентичность.

Глобальный характер технократизм как тип мышления приобрел с распространением промышленного производства по всему миру. Множество людей на всех континентах, вовлеченные в систему образования, научную, инженерную и техническую деятельность на основе современных технологий, стали носителями сходных ценностных представлений.

Популярность ценностей технократизма сделала его реальной культурной доминантой, противостоящей исторически сложившимся в данном обществе культурным ценностям. Под воздействием промышленного производства, системы образования, проникновением технических устройств во все сферы человеческих отношений, навязыванием ценностей научного познания и рационального мышления впервые в общепланетарном масштабе

формируется новая единая культура. Суммарным последствием ее возникновения и существования стал экологический кризис. Его проявление заключается не только в разрушении среды обитания, но и в культурном кризисе, отражающем разрушение привычного духовного мира человека⁵.

Под влиянием происходящих изменений и биосфера, и культура вынуждены трансформироваться. Угрозой для всех живущих на планете людей является возможный переход биосферы в состояние, при котором наш вид будет или уничтожен, или его численность будет сокращена до приемлемых для биосферы размеров. Если подобный сценарий реализуется, то произойдет и коллапс современной культуры. Пока этого не произошло, важно предупредить или хотя бы ослабить опасные тенденции. Для этого необходимо в явной форме изложить особенности технократического мышления и ценностных представлений, которые способствуют продолжающемуся развитию экологического (в том числе и культурного) кризиса.

[16]

⁵ Под «привычным духовным миром» следует понимать такое мировоззрение, которое не испытывает тотальной смены и не охватывает массы людей в промежутки, сопоставимые с продолжительностью жизни одного поколения. Очевидно, что сейчас это понятие не применимо к условиям быстрого технологического роста. Весь прошедший век разрушал этот духовный мир.

2. Технократизм как альтернатива теоцентризму и антропоцентризму.

В современной европейской этической мысли существуют два основания: теоцентрическое (христианское) и атеистическое антропоцентрическое. Реальный европейский этический релятивизм располагается именно в этом промежутке мнений [95. С. 125-126]. Этим двум типам этики противостоит новая этика технократизма. Исследование этой новой этики затруднено из-за традиционного рассмотрения технического как этически нейтрального объекта или объекта, включенного в теоцентрическую или антропоцентрическую систему ценностей. В двух последних случаях техника и технологии⁶ приобретают этическую окраску только через включение в повседневную деятельность людей.

Говоря об этических проблемах, порождаемых наукой, техникой и технологиями, обозначаемых далее как социо-техническое взаимодействие или как техническая реальность, необходимо учитывать тот факт, что эта реальность является не только средством, но и условием коммуникации. «Технологическая среда становится универсальным посредником, исключаящим любое посредничество кроме, своего собственного» [106. Р. 38]. Поэтому она не только не может быть этически нейтральной, но, напротив, сама формирует новые ценности и подчиняется ценностям общества. Это двунаправленный процесс, и попытка выделить только одно направление влияния, игнорируя другое, будет приводить к ошибкам. Одним из вариантов описания этой

[17]

⁶ Принципиальное различие науки, техники и технологий см.: [61]. Техники и технологий: [106. Рр. 32-33].

реальности может быть следующее утверждение: «Новая социальная организация связана с формированием социальных групп, ядром которых становится принадлежность к тому или иному типу технологических или институциональных организаций. Будущее – за социальными организмами, сросшимися с той или иной технологией. Корпорации газодобывателей, компьютерщиков или региональных чиновников начинают формировать свои типы людей, особые социальные отношения и способы жизни» [78. С. 45-62]. А если учесть, что с точки зрения западных политиков жизнедеятельность 80% россиян экономически не выгодна [85. С. 83], а та, что выгодна, связана с обслуживанием нефтегазового комплекса, то становится понятно, с какими социальными трансформациями России предстоит столкнуться [75]. Формирование новой реальности происходит в глобальном масштабе, и процессы однотипны настолько, насколько люди адаптируются к одинаковым технологиям. Не следует забывать, что и технологии могут адаптироваться к соответствующим культурам, приобретая неповторимый национальный колорит. Поэтому цитируемое выше утверждение всего лишь один из возможных вариантов⁷.

В новых технических условиях появляются новые, ранее не существовавшие человеческие взаимоотношения, возникает поле этической проблематики, формируется новая техническая реальность.

В литературе рассматриваются два решения взаимодействия науки, техники и технологий с обществом: первый постулирует этическую нейтральность Великой Триады, а второй демонизирует элементы Триады.

При **первом** подходе, который рассматривает Великую Триаду: науку, технику и технологии – как этически нейтральный объект, становится неразличимой сама возможность технической реальности формировать этические отношения людей, перестраивать существующие иерархии ценностей, создавать новые ценности, трансформировать социальные институты. Например, В.В.Мантатов пишет:

[18]

⁷ Он впервые появляется у Г.Уэллса в «Машине времени», и до сего дня не утратил привлекательности для описания технической реальности.

«Наука и техника⁸ могут во многом способствовать социальному прогрессу, но они не дают решения «проблемы ценностей» – фундаментальной проблемы устойчивого человеческого развития» [57. С. 107]. Как и многие другие исследователи, он никак не обосновывает данное утверждение. Его действительно очень сложно обосновать, но если попытаться, то получится форменное затруднение (апория). Первоначально констатируется «факт»: «... можно говорить о единстве общества на основе техник и технологий, но не о единстве культур и ценностей» [43. С. 88]. Уже в этой фразе техника и технологии (вместе с наукой, скорее всего включенной в технологии) вырваны из социокультурного контекста и существуют обособленно, вне людей, их создающих, применяющих и трансформирующих. Но в таком положении непонятно, как Великая Триада может влиять на общество и культуру. Далее следует модное утверждение: ценности культуры, цивилизации и личности «должны находиться внутри пространства ценностей общечеловеческих» [43. С. 91]. И, наконец, горький вывод: идея общечеловеческих ценностей часто «исчерпывается преимущественно внешними, сугубо инструментальными, технико-технологическими преобразованиями и завоеваниями» [43. С. 92]. В результате получается противоречие. Более того, «общечеловеческими» ценностями становятся ценности, сформированные наукой, техникой и технологиями. По-иному связать культурное многообразие и общечеловеческие ценности не представляется возможным. Но совершить последний шаг и признать новые «общечеловеческие» ценности также нельзя. Н.А.Бердяев это затруднение прекрасно понимал и писал: «Культура всегда имеет национальный характер и национальные корни. Интернациональная культура невозможна. Это была бы культура

[19]

⁸ В литературе феномен «технологий» обычно не рассматривается как самостоятельный, и существует устойчивое сочетание «наука и техника», в который интуитивно включены и технологии. Ж.Эллюль последовательно различает понятия техники и технологии, рассматривая последнюю как самонастраивающуюся систему отдельных производственных технологий [106. Рр. 31 - 33].

коммивояжеров. Только техника носит интернациональный характер, и власть техники есть сила интернационализирующая» [10. С. 55]. Вот тут Н.А.Бердяев, сам того не понимая, постулирует невозможность интернациональной культуры и тут же объясняет не только ее возможность и образ, но и ее происхождение. «Невозможная» – интернациональная культура и возникает как власть техники, распространяемая коммивояжерами и торговцами культурной идентичностью. Н.А.Бердяев не мог рассматривать⁹ такую культуру, но нам приходится жить в эпоху «невозможной культуры» и с нею считаться.

Преодолеть трудности соединения культуры и Великой Триады реальности мешает устоявшееся представление об этически нейтральной науке, технике и технологиях [1. С. 33-51], а также светлая вера в «общечеловеческие ценности», которые с радостью разделят все «здравомыслящие люди планеты» и уже разделяют «все прогрессивное либерально-демократические страны»¹⁰.

Во **втором** случае решение проблемы взаимоотношения Великой Триады и общества основано на отказе от этической нейтральности науки, техники и технологий, что обычно приводит к демонизации техники.

Под демонизацией науки, техники и технологий я понимаю приписывание им субстанциональных качеств, присущую им способность навязывать человеку и обществу определенный образ поведения, систему ценностей. Демонизация является одним из самых распространенных проявлений технократического мышления. Во-первых, создается идол, мистически ужасный и всемогущий. Бла-

[20]

⁹ Культуру Н.А. Бердяев связывал с аристократическим началом. [10. С. 45, 70 и далее].

¹⁰ Кн. Н.С.Трубецкой писал: «Затаенной мечтой каждого европейца является обезличение всех народов Земного шара, разрушение всех своеобразных обликов культур, кроме одной европейской ... которая желает прослыть общечеловеческой, а все прочие культуры превратить в культуры второго сорта». Цит. по: [23. С. 54].

годаря ему снимается ответственность с человека¹¹. Человек подчиняется идолу, взамен получая призрачную надежду решить все свои проблемы или переложить на него всю ответственность. Во-вторых, служение этому идолу через образование, обслуживание и создание элементов Великой Триады придает жизни смысл. Утраченные культурные традиции, быстрое изменение окружающего мира и социальные трансформации, вызванные Великой Тριάдой, вынуждают искать опору в некоторой новой духовной реальности. Конструирование этой реальности становится возможным через подчинение человека науке, технике и технологиям. Демонизация науки, техники и технологий – неотъемлемая часть технократического мышления и мировоззрения.

При демонизации все техническое становится над человеком и определяет поведение индивидуума¹². *«Иногда представляется такая страшная утопия. Настанет время, когда будут совершенные машины, которыми человек мог бы управлять миром, но человека больше не будет. Машины сами будут действовать в совершенстве, и достигать максимальных результатов. Последние люди сами превратятся в машины, но затем и они исчезнут за ненужностью и невозможностью для них органического дыхания и кровообращения. [...] Природа будет покорена технике. Новая действительность, созданная техникой, останется в космической жизни. Но человека не будет»* [11. С. 157]. Учитывая, что отдельные элементы Великой Триады (например, оружие) изначально создавались на основании определенной ценностной системы [24. С. 20], неправомерно

[21]

¹¹ Де Джордж рассматривает «Миф аморального вычисления и информационной технологии» – частный случай данной проблемы. Под этим американский исследователь подразумевает перенос ответственности с человека на компьютер. Так называемые компьютерные ошибки, вызванные плохой отладкой программ, согласно мифу, становятся объективным событием, за которое никто не ответственен. [104. Рр. 5 – 8].

¹² Подробнее см. обзор проблемы: [15. С. 137-166].

рассматривать эти ценности, как порождения самой Великой Триады. Встает вопрос о мере соотношения возможных ценностей порожденных наукой, техникой и технологиями и ценностей внесенных в них самим человеком. Демонизирующий подход однозначно приписывает Великой Триаде возможность формировать ценности и, соответственно, человека и общество.

Для адекватного понимания процессов «взаимоотношений» Великой Триады и социума необходимо рассмотреть формируемые самим человеческим обществом отношения, возникшие в условиях проникновения науки, техники и технологий во все сферы жизни. В этом случае **Великая Триада является необходимым, но не достаточным условием для формирования новых отношений**¹³. Таким образом, **этические нормы не навязываются Великой Тριάдой, но становятся возможными только при ее использовании**. Эта позиция избегает опасности подчинения человека Триаде или, точнее, оставляет за ним выбор добровольного подчинения и гибели или сознательного формирования ценностей технической реальности.

Современное широкое распространение технократического подхода обусловлено социокультурными процессами в индустриальном и постиндустриальном обществе, точнее, во взаимоотношении ценностей, сформированных под воздействием и при непосредственном участии естественнонаучного знания. Введя представление об этической нейтральности, человек предпочел подстраиваться под Великую Триаду. Экологический кризис вынудил пересмотреть такой подход, и развитие «оценки техники», в странах с постиндустриальной экономикой, показывает смену ценностных ориентиров обще-

[22]

¹³ Достаточным является желание человека подчиниться силе обстоятельств, признать их главенство и начать жить так, как если эти бы обстоятельства не зависели от человека, и были даны ему свыше. Можно утверждать, что технократизм есть проявление религиозного чувства, направленного на множественные, иррациональные силы. Рассмотрение Великой Триады, как необходимого, но не достаточного условия рассмотрено в моей работе [61. С. 26-41].

ства – Великая Триада должна быть подчинена обществу и служить его целям. Несмотря на смену ориентиров, в обществе и властных структурах еще очень долго будут доминировать технократические представления.

Широкое внедрение технократического мышления в политическую жизнь произошло в XX в. Различные философские концепции, от прагматизма и утилитаризма до откровенно тоталитарных концепций марксизма-ленинизма, фашизма и нацизма, демонстрируют множество вариантов реального технократизма в политике.

Для политической элиты XIX в. гуманитарное знание было основой образования. Поэтому, несмотря на увеличение воздействия Великой Триады на все стороны культурной и социальной организации людей, политики все еще рассматривали ее как нечто инородное, внедренное в сферу гуманитарного (политического). *«Положение дел сильно изменилось в XX в.: когда в результате успехов научно-технической революции именно в сфере инженерии стали формироваться цели и задачи научных исследований. А поскольку технические изделия и технологии стали весьма сложны как в изготовлении, так и в реализации, стала бурно развиваться сфера управления техническими инновациями. Эта новая сфера управления стала захватывать и традиционные области социального управления, породив период технократизма – попыток управлять обществом так же, как и техническими системами* (выделено мной – А.М.)», - считает С.В.Попов [78. С. 46-47]. Необходимо уточнить, что управление производством было основано на рациональной организации системы труда. Вся деятельность людей была подчинена ритму и смыслу технологического процесса до такой степени, что человек становился неотличимым от машины. Естественно, что успех такой организации труда побуждал применять ее везде, в том числе и в области социального управления. Дополнительным оправданием такого подхода стало ощущение подконтрольности времени, пространства, вещества и энергии. Время становилось подвластным, путем разделения и оптимизации производительного процесса, применяя техники. Самые фантастические инженерные проекты, оказались осуществимы за непродолжительные промежутки времени. Были построены Суэцкий и

Панамский каналы, возведены Днепрогэс и Магнитка. Пространство трансформировалось гигантскими стройками социализма. Открытия в физике позволяли поверить в наступление общества энергетического изобилия. Технократическим мышлением преобразование социума было поставлены в один ряд с преобразованием живой и неживой природы. *«Оказалось возможным по планам и проектам строить такое общество, которое задумали. Такого рода попытками пронизан весь XX век»* [78. С. 48]. Формирование новых социальных концепций, из которых вырос технократизм, происходило в прямой связи с политическим и экономическим ростом городов. Из анализа городской жизни возникли концепции современного антиутопизма. В них социальный порядок выступал не как естественное состояние человечества, а как продукт человеческого ума и управления, как нечто такое, что следует спланировать и осуществить [6. С. 52].

Таким образом, технократизм становится частью политической культуры XX века не потому, что технические специалисты получают власть, а потому, что успешная деятельность на производстве повышает привлекательность их методов в глазах политиков и обывателей.

Метод организации производства, очаровавший всех своими успехами, основывался на рационализме. Рациональное мышление стало доминировать в культуре, а его носители, в первую очередь, ученые и инженеры, получили социальное признание. Желание подражать этим живым воплощениям прогресса в повседневной практике сводило рациональное мышление к технократическому. В этом случае все рассматривается сквозь причинно-следственные отношения, которые однозначно контролируются или рассчитываются человеком. Этот расчет может осуществляться как в форме однозначного (лапласовского) детерминизма, так и в форме статистических закономерностей. В любом случае, процесс и его последствия представляются **полностью** подконтрольными человеческому разуму и, как следствие, математические модели рассматриваются как сама реальность, а не как описание реальности. Человеку остается лишь действовать в полном соответствии с некоторой программой, соотнося с ней не только свои поступки, но и саму реальность. Интересно, что распространение технократического мышления сочетается с ростом внимания к ми-

стике и магии, что компенсирует «бездуховность» технократического мышления¹⁴.

Рационализму свойственна попытка подчинить «гармонию алгебре». Технократизм доводит эту тенденцию до абсурда, с его точки зрения возможно «рассчитать» последовательность человеческих поступков, чувств. Все спонтанное отбрасывается как не нужное. Никакие проявления свободы воли не могут быть оправданы, все подчинено закономерной целесообразности.

Для рационализма сохраняется представление о существовании областей, еще не подчиненных на современном этапе и даже, возможно, вообще не поддающихся математическому описанию. При рациональном мышлении ярко выражена направленность на создание логической схемы – «среза бытия», т.е. одного из аспектов окружающего нас многообразия. Технократизм, напротив, тотален в своем описании; если рационализм выделяет некоторые элементы или функции и признает их доминирование над остальными, то технократизм считает, что другие элементы и функции не существуют; если рационализм, абстрагируясь от второстепенного, порождает некоторую абстрактную модель бытия, то технократизм формирует уверенность в тождественности модели и реальности. Рациональное мышление включает в себя критицизм и способно учиться как на своих, так и на чужих ошибках, т.е. сознательно их находить и исправлять, а технократизм не допускает улучшения, он догматизирует первоначально полученный вариант и отрицает возможность его исправления. Рационализм – это остров в безбрежном море непознанного и океане непознаваемого. Технократизм принципиально не допускает ничего неподконтрольного разуму – в этом его отличие от рационализма, и в это его опасность. Человек «мыслящий технократично», уверовав в собственную непогрешимость, не боится наломать дров в заповедном лесу реальности и тотально осуществляет точечную застройку исторического центра города.

[25]

¹⁴ Замечу, что магическое мышление очень технократично: определенные ритуалом действия приводят к закономерному результату.

Внимание предшествующих исследователей было сконцентрировано на технократизме как властном направлении общественной и политической мысли. Немецкий философ Х.Ленк выделяет следующие точки зрения на технократию, описанные в литературе:

«1. Технократия рассматривается часто как господство технических экспертов (экспертократия).

2. Технократия – это ориентация на технику как на так называемый «технологический императив»¹⁵ (Герберт Маркузе, Станислав Лем): все, что можно изготовить, изготавливается и притом для удовлетворения определенных потребностей¹⁶.

3. Технократия понимается как господство предметной необходимости вплоть до появления тотального «технического государства» (так утверждает, например, социолог Хельмут Шельски), в котором лишь еще управляют, однако политических решений уже не принимают.

4. Технократия выступает в качестве тенденции к информационно- и системно-контролируемому обществу в более общем виде: к информационной системнотехнократии» [47. С. 71-72].

Эти определения отражают сущность технократии, но не исчерпывают всего многообразия проявлений технократизма, для которого технократия – только способ оформления притяза-

[26]

¹⁵ Технологический императив рассмотрен в [116. Рр. 100 – 104].

¹⁶ Мне представляется, что это явление было бы точнее обозначить как «технократический», а не «технологический» императив. В конце концов, не сами технологии определяют, будет ли изготовлена та или иная техника, а люди сами принимают решение произвести или не произвести объект. Использование словосочетания «технологический императив» неявно предполагает придание технологиям не только самостоятельного и независимого от человека и общества онтологического статуса, но и «воли к производству» техники, что нелепо. Вторая часть технократического императива – «удовлетворение потребностей» – требует дополнения. Со второй половины XX в. технологии не просто удовлетворяли потребности, но и начали формировать новые потребности, что далеко не одно и то же.

ний социально-профессиональных групп на власть. В отличие от «творцов нового шума» произошло установление новых ценностей, и это произошло «неслышно», как и предупреждал Ф.Ницше. Прогнозируемого захвата власти технологами и программистами в явной форме не произошло. В массовом сознании технократизм и связанные с ним ценности, наоборот, получили широкое распространение [15. С. 168], [101]. Эти ценности нужно сформулировать явно для последующего критического рассмотрения, что я и попытаюсь сделать.

Выбирая термин «технократизм» для наименования рассматриваемого типа мышления, я отдавал себе отчет в том, что в данном случае речь идет совсем не об определенной форме власти, а о ментальных и культурных процессах. Рассмотрев представленные в литературе термины, например, «техницизм» [88], я счел, вслед за П.Энгельмейером, что «техницизм» скорее применим для философского учения, чем для описания особого типа ментальности [19]. Неологизмы типа «технологика» («технологизм» [1. С. 77-78]) или «техноментальность» были бы точнее, но первое созвучно «технологии», а второе вызывает неоправданные ассоциации с «искусственным интеллектом». Используя устоявшийся термин «технократизм», я наделяю его несколько иным смыслом. **В моем представлении технократизм если и власть, то это власть технического над нашими поступками, и такая власть передается Великой Триаде самим человеком.** По Л.Мэмфорду, мы сами порождаем технического кумира, или мегамашину. Таким образом, термин «технократизм» используется мной преимущественно для описания части духовного мира человека, ценностным основанием для выбора поступка, типом мышления. Современное проявление технократизма: «по отношению к природе – это экспансия машинной техники в область взаимодействия человека и природы, туда, где до этого ее не было. В социальной сфере технократизм – это технизация социальных структур, это «техника власти». В духовной – рационализация всех форм духовной жизни человека: абсолютизация достижений науки, изменение характера искусства, явление масскультуры и многое другое» [101. С. 8].

Возникновение и распространение технократизма имеет важные культурные и социальные последствия. С моей точки зрения технократизм – это очередной шаг в эволюции системы ценностей. Шаг тем более опасный, что долгое время он был неразличим на фоне традиционной культуры и устоявшейся этики. Широкое распространение техники, мировоззренческая роль науки и применение научного знания в разнообразных технологиях сделали возможным формирование новой этики, лежащей в основе принципиально новой культуры и новой религии.

[28]

3.Технократическая этика.

Новая этика формируется, противопоставляя себя предшествующим этическим моделям, доминировавшим в разные исторические эпохи: этике теоцентризма и этике антропоцентризма. Этика технократизма не видит границы между технически осуществимым и нравственно допустимым. *«Технический человек должен применять то, что он уже уразумел ... не ставя при этом себе никаких ограничений... то, что можно понять, нужно также и применять»* – писал Э.Теллер, создатель американской водородной бомбы [цит. по: 47. С. 84]. И если и видит «технический человек» какие-то границы своей деятельности, то определяет их на основании собственной системы ценностей, весьма далекой от той, которую разделяют его «нетехнические собратья».

Если рассмотреть эволюцию распространенных этических моделей, то можно утверждать, что антропоцентризм, заменяя Бога человеком, исчерпал себя. Начав с противопоставления человека Богу, через «смерть Бога» антропоцентризм дошел до полной секуляризации¹⁷ этики – человек остался один. Последний логический шаг был сделан Ж.-П.Сартром и А.Камю, объявившими смысл жизни абсурдом¹⁸. Антропоцентризм оказался неспособ-

[29]

¹⁷ Секуляризация – в первоначальном значении передача церковных земель в управление государством, в более распространенном значении отделение от религии и церкви, светское развитие. Здесь – этика не имеющая религиозного обоснования.

¹⁸ Следующим шагом стал абсурд как смысл жизни. Но исследование постмодернистской философии выходит за рамки данной работы.

ным указать решение глобальных экологических и экономических проблем, осознанных в конце XX века [35. С. 53]. Поэтому большинством авторов, пишущих на экологические темы, постулируется невозможность решения глобальных проблем человечества на основании старой этики (подразумеваются как антропоцентрический, так и теоцентрический варианты) и ставится вопрос о создании принципиально новой экологической этики.

Сегодня процессы глобализации действительно связаны с формированием новой этики. Но это не экологическая этика, а этика технократизма. Она вызревает в повседневной деятельности людей, вовлеченных в сложнейшие производственные, экономические и культурные отношения. Глобализация становится реальностью благодаря новым возможностям техники. Ее повседневное использование, включение людей в разнообразные технологии, научная деятельность формируют совершенно новый, в этическом плане, страт людей, отличительной особенностью которых становится технократическое мышление. Происходит нивелирование сознания, норм и предпочтений у индивидуумов через производство, торговлю, менеджмент, систему естественнонаучного образования, СМИ и т.д. Сознательная же деятельность по экспансии культурных ценностей является только частью общего процесса формирования технократической этики и представляет меньшую опасность. Если культурной экспансии можно противостоять, то воздействие на отдельных людей не поддается контролю. Важнейшей составляющей, без которой культурная глобализация была бы невозможной, становится повседневная вовлеченность людей в технологические процессы и применение техники. Новая этика формируется на основе ценностей, необходимых для интеграции в разнообразные технологии (не только производящие товары, но и в технологии управления социумом, и управления техникой, и развития науки).

Существовавшие ранее нормы поведения теперь оказались несовместимыми с существующим научно-техническим прогрессом и эволюцией технологий. Это становится заметно не только

в развивающихся странах с традиционной культуры, но и в индустриальных, и даже в постиндустриальных государствах [33. С. 144, 148, 151].

На мой взгляд, можно выделить третье, после теоцентрического и антропоцентрического, – технократическое – основание этики и соответствующее ему мышление.

Развитие науки и техники в XIX в. породили этику профессиональной группы – ученых и инженеров, – противопоставленную этике общества. Само формирование этики науки (у Р.К.Мертон «этоса науки») стало возможным благодаря увеличению численности социальной группы, непосредственно связанной с получением, применением и трансляцией научного знания.

Ценностный мир технократизма сегодня широко распространен. «Технология склонна рассматривать себя¹⁹ как создательницу новых ценностей, едва ли не новой этики, как разрушительницу шкалы ценностей, признаваемой самыми различными традициями» [1. С. 99]. Но на место старой этики действительно приходит новая. Она сознательно или бессознательно создается человеком, но никак не технологиями, которые не обладают способностью к рефлексии. Эта новая этика не просто ставит в центр мира технику, вытесняя человека, а применяет ценности, сформированные под воздействием науки, техники и технологий, к окружающему миру, в том числе и к межличностным отношениям. В жесткой детерминации производственного процесса, в поражающей воображение мощи техники выкристаллизовалось представление о человеке как подчиненном и обслуживающем технику элементе. Согласно Н.А.Бердяеву, как христианское, так и гуманистическое мировоззрения Нового времени были основой европейского менталитета. С развитием техники, а я добавлю, и технологий, мир изменился. «Мир не только дехристианизируется,

[31]

¹⁹ Естественно, речь должна идти об идеологии технократизма, а не о технологии. В этой цитате демонизация ярко проявилась в наделении технологий свойствами рефлексии. Такие оговорки встречаются даже у тех авторов, кто пытается противостоять технократическому мышлению.

но и дегуманизируется» [11. С. 160]. В целом, деградация идет по пути от монотеизма, через антропоцентризм к возрождению неоязыческих культов. Технократические основания присутствуют как в тоталитарных режимах XX века, так и при либеральной демократии²⁰: несмотря на все свои политические различия и тоталитаризм, и демократия разрушают христианскую доктрину и приводят к возрождению неоязычества. В этой ситуации поддержка гуманизма (антропоцентризма) способствует²¹ противостоянию технократизму. Только монотеистическая религиозная философская мысль занимает радикальную позицию по отношению к технократизму [8], [58], [74]. Она не просто критикует технократизм, но и отстаивает свою этику и свою систему ценностей. Для успеха борьбы мало продемонстрировать недостаток противника, но необходимо утвердить альтернативную точку зрения.

Новая технократическая этика, конечно, не сводится ни к этике науки, ни к этосу научного сообщества или этическому кодексу инженера²². Отличие технократической этики в ее отрыве от породивших ее профессиональных групп и охвате широких слоев населения.

[32]

²⁰ Основа любой демократической системы – равное голосование. Сама возможность голосования осуществима только при представлении избирателей как однотипных винтиков политической машины. Только на основании технократического происхождения основы демократии, уравнивающей в правах всех избирателей было бы неоправданным резко отказываться от системы политического равноправия. Но необходимо понимать, что политическое равенство возможно только как построение общества из индивидуумов с равными интеллектуальными, нравственными, экономическими и другими качествами. Вся система достигнет теоретического максимума демократии только при однообразии потребностей и обязанностей граждан. Это понимал и А. Сен-Симон: «Промышленная же система основана на принципе совершенного равенства...» [87. С. 169].

²¹ Н.А.Бердяев считал, что европейский «гуманизм не в силах устоять при процессах технизации жизни...» [10. С. 74].

²² Обзорная статья посвященная научной и инженерной этике [114 Рр. 9 – 28].

В современном обществе, разделенном на профессиональные группы (в предельном случае, на отдельных индивидуумов), кажется, нет и не может быть единого этического основания. Для каждой такой группы доминирующими становятся этические отношения, возникшие для оптимизации совместной деятельности. Для каждой группы они могут базироваться на несопоставимых ценностных основаниях. Распространено мнение, что именно в рамках такого морально-этического плюрализма [1. С. 275] и возможно практическое решение глобальных проблем современного общества. В этом случае мы сталкиваемся с интуитивным ощущением, что общие этические основания все-таки существуют, но формализация данной этики произойдет в отдаленном будущем.

С моей точки зрения, такая этика уже существует. Она возникает как соединение несоединимого: **множественности и раздробленности этических идеалов профессиональных этик с одной стороны и единства, возникающего в процессе упрощения этих норм, с другой**. Название этой новой этики – технократизм. Ее содержание – этические правила, возникающие на основе использования достижений науки, техники и инженерной деятельности. Ее распространение обеспечено вовлечением людей в технологические процессы. Так как одинаковая техника используется в различных странах и разных культурах, то создается ощущение этической нейтральности техники. Это неверно, потому что техника лишь необходимое, но часто недостаточное условие для новых отношений, наоборот, технологии объединяют людей и технику. Люди, вовлеченные в технологии, трансформируют национально-культурные ценности. Без такого процесса невозможно разрешить конфликт между старым (традицией) и новым (технологией).

Процесс упрощения этических норм заслуживает внимания, ибо в нем и сила, и слабость технократизма. Сила – в убедительности и простоте обоснования происходящего; слабость – в невозможности регулярно выводить технократическое мышление на новый уровень, адекватный возникающим проблемам (например, глобальным экологическим проблемам современ-

ности). Описывая ценностный мир технократического мышления, В.П.Зинченко и Е.Б.Моргунов пишут: *«Информация стала подменять знания, память – понимание, составление планов и программ – формирование образа наличной ситуации и ее возможных изменений, их осмысление и осознание, эмоции, аффекты и амбиции стали возникать вместо интеллектуальных чувств, творческих переживаний, милосердия, ученые доспехи стали не пускать на порог науки реальные научные успехи, наконец, посредственное образование стало подменять культуру»* [30. С. 188-189]. Разум, зараженный технократизмом, погружен в лапласовский детерминизм. Он не созерцает, не удивляется, не рефлексировывает в обыденном понимании. Он стремится сделать мир адекватным своим представлениям о нем, а не наоборот. Вся мощь техники, вся проникновенность и взаимосвязь технологий на его стороне [60. С. 171-174].

Распространение этики технократизма – один из важнейших процессов глобализации, имеющий отношение как к формированию новой культурной идентичности, так и к разрушению старых представлений народов о самих себе.

Для человека, мыслящего технократично, источником системы культурных ценностей теперь выступает не общество в целом, с трансляциями старых идеалов, а узкоспециализированная профессиональная группа, к которой по образованию и роду деятельности принадлежит данный индивид. Сформированная этика тяготеет к общей – «внепрофессиональной», «вненациональной», «надкультурной» – основе. Так как многочисленные профессиональные этики имеют ограниченную область применения, то их объединение достигается вынесением человека «за скобки». В этом случае остается некоторый «остаток», максимально упрощенный и далекий от человеческой жизни, но этот вариант настолько «общечеловечен», что, кажется, применим во всем и всегда. Объединяющей и общей основой выступают технологии. Единство производственных действий формирует представление о том, что все люди в мире стандартизированы как элементы технологического процесса. Следовательно, в идентичной

ситуации они должны вести себя одинаково: «если загорелась желтая лампочка, – по инструкции, – оператор обязан повернуть правый выключатель вверх, до упора». Любое иное поведение продемонстрирует профессиональную непригодность. Точно также должно происходить и с ценностями, они одинаковы для всех людей: «Язык шоппинга понятен всем!» - убеждает реклама. А если кто-то не разделяет эти ценности, то он является «проф. непригодным» для жизни в этом мире. Новые «общечеловеческие» ценности стали формироваться тогда, когда повсеместно возникли одинаковые социально-профессиональные условия для их распространения.

В качестве предположения сформулирую мысль о возникновении нового интернационального класса – мыслящего «технократически». Как в начале XIX в. существовал пролетариат, интернациональный по своему образу жизни (убогий – потому что такими были условия труда, с минимальной национальной культурой, потому что труд забирал все силы), так теперь, возможно, происходит новое формирование класса: убогого по своей культуре, потому что она мешает бизнесу; интернационального, потому, что думает на английском; мигрирующего в поисках работы со всего света в страны «золотого миллиарда» или остающегося на своей родине, но рассматривающего весь мир как космополитическую глобальную деревню.

По отношению к национальным культурным идеалам универсальная этика технократизма выглядит очень примитивно: она оставляет без рассмотрения сложные коллизии межличностных отношений. Именно эта простота маскирует ее существование. Поэтому очень долго этическая нейтральность приписывалась науке, а теперь технике и технологиям. На фоне существующих культур новое основание этики представляется просто неразличимым. Только анализ происходящих изменений, идущих вслед за внедрением технологий, позволяет разглядеть эти новые нормы. Культурные идеалы по-прежнему остаются недостижимыми (это является свойством всех идеалов), а ценности, сформированные техникой и технологиями, наоборот,

становятся достижимыми благодаря получению соответствующего профессионального образования и включению индивидуума в профессиональное сообщество.

С точки зрения культуры и религии подобная этика крайне примитивна из-за ограниченной области применения: например, она не может учитывать не поддающиеся рационализации межличностные отношения, творчество, религию и т.д. Однако с точки зрения технократа все внешние факторы только затемняют существо дела, а технократ ясно видит цель, достижению которой должны быть подчинены все ресурсы, в том числе и этика. Вне сознания и рациональной деятельности технократа остается все остальное, не рационализированное многообразие мироздания.

Технократическому мышлению свойственно пренебрежение духовными запросами и бытовыми потребностями человека, игнорирование биологически обусловленных и психических процессов или, наоборот, их безудержная эксплуатация (в рекламе, политике и т.д.). Сексуальная составляющая любви всегда эксплуатировалась технократами. Техника заменяла духовное многообразие любви. От первых веков христианства до сибирского скопчества предлагались радикальные решения. Технократическая тенденция была настолько популярна, что уже апостол Павел, выступая против «технократов», проповедовавших тотальное воздержание, писал, что абсолютизация полного воздержания как единственного пути спасения есть заблуждение. Два пути открывают двери спасения: воздержание и достойная семейная жизнь (1 Кор. 7).

Многие технократы презирали существующий биологически обусловленный половой акт, который, с их точки зрения, должен быть заменен на нечто «более цивилизованное». И тут проявлялась технократическая страсть все рационализировать, даже то, что невозможно изменить не разрушив. Например, утверждалось, что коитус будет заменен на *«прикосновение к определенному месту тела или еще как-то, но не так, как это делается теперь, достаточно варварски»*, - утверждает В.П.Гончаров [17. С. 98]. Необходимо обратить внимание как на аргументацию,

так и на терминологию, используемую технократически мыслящими людьми. Остается совершенно непонятным, по каким причинам будущее другое «определенное» место будет лучше, чем ныне используемое, а также кем или чем оно будет «определено». Ответа на эти вопросы мы не получим. На самом деле для технократа идеалом сексуального акта является искусственное оплодотворение, а в дальнейшем вынашивание ребенка вне матери: *«Интересны мысли об искусственном предварительном оплодотворении всех женщин от высших мужчин, без их участия»* [98. С. 141], – писал К.Э.Циолковский. Для технократов представляется особо важным технологизировать биологический процесс, лишить его духовной составляющей, отличающий человека от животного мира, а соответственно, поставить продолжение человеческого рода под контроль. Начиная с Платона, технократы придерживались принципа: «тот, кто контролирует секс, контролирует все общество». Поэтому не случайно, что социальные утопии включают в себя трансформацию и жесткую регламентацию сексуальных отношений. Физиология сексуальных отношений заменяется технологическим процессом. Этика технократизма, игнорируя традиционные проблемы «любви», «добра» и «зла», другие центральные этические представления теоцентризма и антропоцентризма, предлагает новые ценности и новые кардинальные решения.

4. Ценности технократизма.

Для рассмотрения я выделил и описал самые важные, на мой взгляд, ценности технократизма: **прогресс, обладание, объективность, заменяемость, управляемость, всерешаемость, безответственность** («ответственность» с точки зрения технократизма») и **редукционизм**.

Само представление о ценностях технократизма связано с их материальным воплощением в технике и технологиях. Если в религиозном и антропоцентрическом мышлении ценности нематериальны, то технократизм демонстрирует иное видение ценностей. Это, конечно, не отрицает наличия идеальной составляющей технократической этики, но эта составляющая всегда имеет некоторое материальное воплощение.

Прогресс в технократизме – самая главная и легко заметная ценность. Ею освящаются любые действия и на ее основании осуждается любое ограничение. Все, что служит прогрессу, самоцельно и самоценно, все, ему противостоящее, должно быть устранено.

Прогресс как следствие научного познания мира распространен на все стороны жизни. Но, в отличие от научного познания и основанного на нем прогресса, технократические представления лишены скептической составляющей. Если в этосе науки «организованный скептицизм» является условием развития науки, то для этики технократизма скепсис недопустим. Прогресс не может быть поставлен под сомнение, – с точки зрения технократов он является обязательным условием, существования мира; стабильность мыслится только как стабильный прогресс.

Все те, кто мыслит технократично, лишены скептической составляющей. Для них предпочтение будущего настоящему и прошлому – это часть мировоззрения. Ради будущего они пренебрегают прошлым, часто уничтожая его.

Ценность прогресса²³ охватывает и веру в прогресс общества, материальное воплощение которой отражается в инженерных конструкциях, в реализации социальных программ и т.п., воспринимаемое нами как «блага цивилизации». Эта ценность уже не может базироваться на научных основаниях. Она опирается на эксплуатируемое экономикой желание человека жить все лучше и лучше, причем удовлетворение этого желания должно осуществляться постоянно, во все возрастающем объеме.

Ценность **обладания**, рассмотренная Э.Фроммом, противопоставлялась им ценности бытия [93. С. 22]. При технократическом мышлении ценности иметь или быть уже не конкурируют²⁴. Они не выступают как основания для двух различных стратегий поведения – они становятся единой ценностью, и выбор стратегии оказывается невозможным – альтернатива просто отсутствует. Общество потребления возможно только как общество, пронизанное доминантной ценностью иметь – это и означает для такого типа общества – быть.

В технократической этике существует тождественность нравственно допустимого и технически возможного²⁵ [39. С. 136]; собственно говоря, неразличение живого и мертвого [101. С. 21]. В этом аспекте технократическое мышление отличается от «ха-

[39]

²³ Например, обзор взглядов на прогресс в момент формирования этой ценности в XIX в. см.: [59. С. 237-242].

²⁴ Современная реклама утверждает: «Новая жизнь – бесценна. Есть вещи, которые нельзя купить, для всего остального существует» кредитная карта. Таким образом, в рекламе устанавливается знак равенства между жизнью и вещами.

²⁵ Наделяет технику правами, требуя признать, что вещи «обнаруживают собственную телеологию и целесообразность», [38. С. 13]. На самом деле, автор противопоставляет «окультуривающий (вводящий в культуру) подход» техническому (технократическому в моей терминологии) подходу. Таким образом, оговорки в текстах авторов, сознательно выступающих против технократизма, проявляют бессознательное пристрастие к технократическому мышлению.

рактологической некрофилии», предложенной Э.Фроммом. Технократ знает, что есть живое и неживое, но не видит причин, по которым живое не должно подчиняться железной воле и рациональной логике. Управление производством, социумом, поведением индивидуума, использование геосфер – все может и должно подчиняться разуму управленца. Это может быть проиллюстрировано следующим пассажем из книги Ф.Г.Юнгера: *«чиновник легко может вообразить, что в мире царит идеальный порядок на том основании, что он аккуратно ведет свой архив»* [102. С. 197].

Ценность **объективности** основывается на развитии науки, претендовавшей на объективную истину. Объективность воплощается в заключениях экспертов, в бизнес-планах, всевозможных документах. С точки зрения технократического мышления вне документа никакой технической реальности не существует [41]. Но если философия и социология науки [56] уже показали необоснованность претензии науки на объективность, то в технократической этике ничего подобного не произошло. Технократическая объективность снимает ответственность с человека. Такая объективность неумолима и всеокрушительна, никто не может ей противостоять – человек не более чем исполнитель объективных законов природы или общественного развития. Вот только сама объективность в технократической этике становится субъективной. Человек как мера объективности, а наука как арбитр этой объективности – вот истинное значение этой ценности. При этом игнорируется тот факт, что научное знание всегда представлено в виде конкурирующих между собой теорий, непосредственно связанных с группами ученых, эти теории создающих и отстаивающих. «Самостоятельная жизнь» научных теорий, их способность «возникать», «формироваться», «развиваться», «разрушаться» – не более чем иллюзия, возникающая на основании доминирования ценности объективности в научном познании. Сами теории не в состоянии эволюционировать. Их существование подчинено не объективным законам развития научного знания, а непосредственной деятельности ученых, за-

нятых развитием научного знания [56]. Поэтому попытка обосновать любое решение, основываясь на научной точке зрения, сводится к поиску и опоре на тех ученых, которые поддерживают выгодную точку зрения²⁶. Этическая проблема обоснования поступка в технократизме сводится к выбору группы ученых, способных поддержать уже выбранное направление. Если такой группы не существует, то она создается при помощи финансирования или иным способом²⁷. Опора на подходящую группу ученых придает отстаиваемой точке зрения ореол объективности и беспристрастности, а возможные альтернативы отвергаются, как «субъективные». Ценность объективности в технократической

[41]

²⁶ «Мы часто видим, что профессиональные советники и советчики образуют небескорыстные группы «интересов», и, действуя за ширмой политических работодателей, пекутся о чьих угодно интересах, но только не об общественных или национально-государственных» – [15. С. 193].

²⁷ Именно таким способом возник научно обоснованный проект поворота сибирских рек. В противовес этой точке зрения была создана академиком Яншиным другая группа ученых. Активная позиция его группы разрушила «объективность» выводов комиссии своим альтернативным подходом. Если при первом варианте научного обоснования поворота сибирских рек фактором возникновения служил государственный заказ на проведение изысканий, то в случае с Яншиным и его группой первичным условием создания альтернативы выступали иные факторы. В результате в АН СССР появились группы ученых работавших как «за» обоснование поворота сибирских рек, так и «против» него. [14. С. 98]. Проблему политической обусловленности научной экспертизы в области экологии также см.: [27. С. 66-73]. Я не хочу поставить под сомнение выводы любой научной комиссии получающей деньги за свою работу. Речь идет о мифической беспристрастности ученых в получении научного знания. Все участники описываемых событий, а равно и других, подобных конфликтов, различным образом заинтересованы в отстаивании своей позиции. И технократическая этика проявляется не в том, что для решения задачи используется властные или финансовые рычаги, а в том, что решение принимается заранее, а научная комиссия призвана только подтвердить правильность принятого решения, при этом игнорируются любые альтернативы.

этике иная, чем в традиционном, сформированном наукой смысле. Объективность для технократа служит оправданием для уже сделанного им выбора.

Ценность **заменяемости** имеет свои корни в инженерной деятельности. Стандартизация, сыгравшая важную роль в научно-техническом прогрессе, в технократической этике была перенесена на общественные отношения. Слова И.Сталина: «Незаменимых у нас нет», – адекватно отражают данную ценность технократического мышления. В двадцатые-тридцатые годы прошлого века в СССР становятся не нужны высококультурные инженеры-интеллигенты. Промышленность и общественный строй нуждаются в технократах-исполнителях воли партии и народа [19. С. 188], [21. С. 110].

Представление о человеке как заменяемом технологическом элементе широко распространено и в странах «золотого миллиарда». Несмотря на то, что для европейской культуры ценность индивидуальности была доминирующей, она претерпела определенные трансформации, превратившие ее в ценность заменяемости. Устоявшееся представление о «ценности личности» сохраняется лишь как популярный брэнд. Наиболее заметен этот процесс в системе образования, где реальная личность учащегося на экзамене подменяется результатами тестирования. При этом модель изучаемой личности создается на базе «объективных» данных, полученных при помощи стандартных вопросов. В общественной жизни личность становится все более управляемой при помощи социальных технологий, а в дальнейшем контроль за поведением планируется усилить за счет технологий трансформации генома человека. В таких условиях ценность личности становится неразличимой на фоне ценности заменяемости. На основании глобальных миграционных процессов формируется система поиска сотрудников с заданными профессиональными качествами. Попытки стран защитить свои трудовые ресурсы от наплыва мигрантов – не более чем отживающий свой век элемент доглобальной экономики. В таких условиях можно не переучивать сотрудников, а заменять на мигрантов; это особенно

заметно в сфере обслуживания и строительства. Но и в сфере высокоинтеллектуального труда миграция становится способом решения всех проблем. «Перекачка мозгов» из стран с высоким уровнем образования в страны, способные дать интеллектуальным мигрантам необходимые условия для жизни и творчества, широко распространена. Лидером глобализационных процессов является США. В этой стране в реальном и теневом секторах экономики огромную роль играют мигранты. Для Америки практически нет необходимости поддерживать собственную систему образования, так как потребность в профессионалах легко может быть удовлетворена за счет легализованных иностранцев. С развитием глобализационных процессов значение ценности заменяемости будет только возрастать.

Примером доминирования ценности заменяемости в процессе образования может служить Болонский процесс. Его основная идея заключается во взаимозаменяемости элементов образовательного процесса, а не в конкуренции систем образования и достижениях личностей. В протестантском обществе, как это показал М.Вебер, успех является подтверждением избранности человека Богом к спасению. Технократическая трансформация этого принципа делает успех объективным критерием оценки личности. Ценность заменяемости служит необходимым условием существования общества потребления и обеспечения экономического и научно-технического прогресса. Высказываются предположения, что капитализм перерос индивидуализм, что он может оказаться для капитализма не функционален [цит. по: 6. С. 75]; это подтверждает сделанный мной вывод о замене ценности индивидуальной личности на ценность личности заменяемой.

Ценность **управляемости** возникла тогда, когда страх общества перед экономическими и политическими кризисами стал одним из доминирующих, а вера в способность научного разума творить чудеса окончательно вытеснила христианские ценности. Возможность управления позволяет рационализировать страхи, переводить их в плоскость практических решений. Доминирование ценности управляемости над иными ценностями (свободы,

демократии, личности и др.) означает, что без управляемости невозможна их реализация. Существующая тенденция усиления государственного контроля за личностью обосновывается необходимостью борьбы с международным терроризмом. Таким образом, управляемость становится определяющей и доминирующей во внутренней и внешней политике, экономике.

Управляемость и заменяемость оказываются взаимосвязанными: возможность заменять делает реальным возможность управлять, а управление в социальной сфере и означает замену одних людей на других.

Ценность **всерешаемости** означает то, что все проблемы будут разрешены уже существующими средствами²⁸, путем дополнительного финансирования и привлечения специалистов. Американский кинематограф наполнен пропагандой ценности всерешаемости. Прекрасными иллюстрациями могут служить многие голливудские фильмы²⁹. В них *любая* проблема будет решена в кратчайший срок (обычно запускается таймер с обратным отсчетом времени) при помощи уже существующих технических устройств и технологий. Ценность всерешаемости выросла из ценности индивидуализма и опоры на собственные силы, но в симбиозе с ценностями объективности и заменяемости приобрела особые технократические черты. Возможности элементов Великой Триады абсолютизируются и воспринимаются как уже существующие, а не как лишь потенциальные возможности для решения стоящих перед человечеством проблем.

Всерешаемость вместе с объективностью не позволяют раздумывать над выбором стратегии, как и, собственно, все ценности и императивы технократизма. Проблема оправдания снята, она

[44]

²⁸ Простое упоминание о таком подходе есть у Ж.Эллюля, который называл его «сомнительным» [106. Р. 61] или рассматривал его как современный миф [105. Р. 101].

²⁹ Например, фильм «Армагеддон», реж. М. Вау, США, 1998.

и не может возникнуть, все может быть решено, а любое ошибочное действие исправлено. В случае проявления, так называемого, «человеческого фактора»³⁰ происходит замена одного индивидуума на другого для продолжения функционирования социального института. Всерешаемость находит свое воплощение в официальных документах ООН, посвященных «sustainable development» («устойчивому развитию»). В них экологическая действительность описывается так, *«как будто уже существуют рецепты, позволяющие избежать возможной катастрофы и продолжать совершенствование той техногенной, потребляющей цивилизации, которая, собственно говоря, и ответственна за все те трудности, что стоят сейчас перед людьми»* [65. С. 7]³¹.

Ценность **безответственности** возникает из иного соединения объективности и всерешаемости. Действительно, каким образом можно нести ответственность, если у человека не остается выбора? Сами объективные условия диктуют ему правила поведения. В этом случае объективные факторы снимают ответ-

[45]

³⁰ Человеческий фактор – любимый технократами термин-эвфемизм. Для технократического мышления вообще свойственно использовать понятия лишённые конкретного содержания в виде псевдо-научных объективистских терминов.

³¹ Обращу внимание читателя на мое полное несогласие с последней частью цитаты – перекладывать ответственность с человека на «цивилизацию», культуру, религию и т.д. означает возможность так или иначе снять с себя ответственность за происходящие события и обвинять внешние, обычно называемые «объективными», законы природы, общественного развития и т.д. в существующих проблемах. Так маленький ребенок обвиняет камень, неожиданно ударивший его по коленке, а не себя – не смотрешего под ноги. В целом акад. Н.Н.Моисеев иногда придерживается именно такой «объективной» точки зрения. «Развитие человечества, развитие цивилизации и духовного мира человека как ее компонента следует, как и развитие живого вещества, общей *логике* развития Природы» [65. С. 7]. Несмотря на это принципиальное расхождение, работы акад. Н.Н.Моисеева остаются ценнейшим источником философской рефлексии над актуальными проблемами современности.

ственность с отдельного человека. Важную роль в распространении ценности безответственности сыграла теория К.Маркса. Немецкий философ выводил законы общественного развития из объективного существования материи. Подчиненный «объективным» законам общественного развития, человек не мог нести ответственность за свои поступки, ему оставалось только осознать законы природы и следовать неумолимой логике событий.

В современном обществе формируется представление о всемогущей технике, которая вот-вот освободит человека от личной дисциплины и ответственности [71. С. 82]. По мнению Х.Шельски технократическое мышление избавляет человека от ответственности до того момента, пока не наступит техногенная катастрофа и об ответственности все же придется вспоминать [15. С. 67]. Мне кажется, что тут все обстоит сложнее. В технократизме выделенная мною ценность безответственности предстает под другим названием – ответственность. Такая ответственность требует создания инструкций, способных регламентировать все стороны жизни и деятельности человека, общества, природы. Очевидно, что сделать этого нельзя, но технократ упорствует в своем нормотворчестве. Создание и следование инструкциям оценивается, как высочайшая форма ответственности, которой может обладать технократ. Обладание инструкцией, с точки зрения технократа, однозначно предписывает бытие человека, общества, природы. «Почему весь мир не может выполнять простые, очевидные предписания, выработанные на рациональной основе?» – вопрошает себя и весь мир технократически мыслящий человек, и нет ему ответа. Это молчание он воспринимает как знак согласия. «Если человек плох, а мир не совершенен, то они могут и должны быть изменены к лучшему» – продолжает он свои размышления. «А что может быть лучшей основой для таких изменений, нежели продуманная, научно обоснованная, рациональная система преобразования!» – радостно утверждает технократ, а лицо его начинает просветляться. «Необходимо только без гнева и пристрастия, т.е. объективно понять устройство мира» – завершает он свой философский экзерсис.

Рассматривая человека, как часть объективных процессов (социальных, природных, технологических), технократизм порождает безответственность. Всерешаемость вынуждает человека действовать. Безответственность порождает инструкции, выполнение которых снимает ответственность (на время!) со всех участников социального действия. Для технократической этики документирование регламента социальных действий – это способ разрешения любых этических конфликтов. Формальная инструкция позволяет рационализировать человеческое поведение, ввести его в узкие рамки. Технократу не понятно, почему реальное человеческое поведение вступает в конфликт с правилами: «Все ясно написано в параграфе 12, пункт 8!». Хотя, как кажется технократу, эта проблема может быть легко решена путем замены неподходящих индивидуумом на подходящих. Конфликт значительно глубже, он располагается на уровне психологии человека, вступающей в непримиримый конфликт с тотальной рационализацией действий. Технократизм, пытаясь все больше упорядочить человеческое поведение, порождает ответную реакцию, направленную на уменьшение регламентации, приводящую к нарушению правил и, в конечном счете, на разрушение системы тотального контроля. *«Никакой технический разум не способен остановить нарастание слепой стихийности, напротив, технический разум открывает перед ней дорогу для проникновения и распространения в жизни»* [102. С. 198-199].

Безответственность (или, по-технократически, «ответственность») нашла лазейку для внедрения в массовое сознание. По крайней мере, именно такой подход активно пропагандирует фабрика грез – Hollywood. Это требование «еще одного» или «последнего» шанса на исправление межличностных отношений. В кинематографе это выглядит следующим образом: после того, как один из персонажей разрушил существовавшие отношения некоторым неблагоприятным поступком, наступает время сцены «выяснения отношений». Исчерпав все аргументы, провинившаяся сторона приводит последний довод: «Дай мне последний шанс исправиться!» («Увидишь – я буду хорошим!» и др.). От себя заме-

чу, что в самой попытке сохранить отношения нет ничего дурного. Плохо, что данный аргумент абсолютизируется кинематографом, в этом случае возникает уверенность в праве на последнюю попытку, как в праве на один телефонный звонок из полиции или на помощь адвоката в суде.

Когда на такой аргумент оппонент отвечает отказом, то просящий сразу занимает агрессивную позицию. Его раскаяние сменяется отстаиванием поправных «законных гражданских прав». И теперь оправдываться вынуждена уже другая сторона. (Поистине, говорю вам, проще уступить и дать последний шанс (а потом еще и еще!!!), чем объяснять, почему в очередной раз не хочешь «наступить на грабли».)

Все это иллюстрирует «безответственность» в межличностных отношениях. Действительно, зачем их ценить, когда материальные отношения стоят на более высоком фундаменте. Никто не пытается просить «дать последний шанс научиться, наконец, водить» чужую машину. Интересно, что данный сюжет не нашел отражения в американском кинематографе, хотя требования «последнего шанса» в духовной сфере встречаются часто. В действительности в материальном варианте нет никакой моральной проблемы, деньги – это святое, и никто не будет давать «шансы» за свой счет.

Само распространение ценности «безответственности» в обществе создало ситуацию в которой стало возможным появление этики ответственности Г.Йонаса [35]. Т.В.Адорно писал: «...можно с полным основанием говорить о том, что моральная проблематика возникает тогда, когда вечная, бесспорная и само собой разумеющаяся данность нравственных норм и правил поведения уже более не присутствуют в жизни какого-либо общества» [2. С. 24]. В соответствии с замечанием немецкого философа можно утверждать, что в обществе, где ценность «ответственность» играет значимую роль, сама постановка проблемы ответственности невозможна, как неактуальная. А коль скоро проблема осознана и вопрос поставлен, то само возникновение дискуссии отражает степень безответственности общества.

Ценность **редукционизма** заимствована технократическим мышлением из науки³². Выделение основной проблемы и абстрагирование от всего, принимаемого второстепенным, является частью научного метода – сведение сложного к простому. Путь, позволяющий за конечное число шагов приблизиться к решению проблемы, предложен Р.Декартом как единственный способ рационального научного познания. Технократизму свойственен перенос научного метода на все стороны бытия. Типичным примером подобного переноса являются социал-дарвинизм, марксизм, бихевиоризм и другие учения, переносящие из научных теорий правила и методы на общественную организацию людей. В данном случае получается относительно удачный способ представления всех проблем через упрощенное сведение всего сложного к простому и очевидному, но даже в применении к научному познанию редукционизм дает негативный результат. Но для технократизма редукционизм становится основополагающим способом представления мира и нахождения пути его трансформации³³. Вне редукционизма реализовать ценность всерешаемости не представляется возможным. Действительно, всерешаемость может быть реализована только в том случае, если все основания для решения любой проблемы уже существуют и ничего принципиально нового в ней нет. Поэтому единственным способом решения выступает редукция реальности к простым, уже найденным решениям.

Одним из проявлений редукционизма является сведение комплексной трансформации реальности к изменению ее определенных фрагментов. Воздействие на выбранные участки реальности сочетается с полным игнорированием иных возможных и даже не-

[49]

³² Об опасности редукционизма в политике и в самой науке см.: [77. С. 206-207].

³³ Ж.Эллюль приводит забавное название статьи опубликованное во французской прессе «Женский Статус в нашем обществе: Технологическая проблема». Далее французский богослов и философ рассматривает абсурдность данного заголовка [106. Рр.49-50].

обходимых вариантов воздействий и, что самое важное, игнорированием взаимосвязей между фрагментами единой реальности. Самым масштабным примером редукционизма могут служить экономические программы развития СССР. Сама попытка свести экономическую реальность к набору ограниченного числа контролируемых параметров и надежда на последующее тотальное управление экономикой на их основе объясняется доминированием редукционизма над другими ценностями.

Редукционизм в технократическом мышлении выступает как определенная базовая ценность, не подвергаемая критической рефлексии. Без редукционизма невозможно обосновать практическую ценность самого технократизма. Если нет возможности решать любые задачи, находить «простые, легко понимаемые (но неправильные) решения», то технократизм – всего лишь один из множества способов мышления. Но само отсутствие рефлексии в данной сфере делает технократизм чрезвычайно привлекательным и широко распространенным явлением. Редукционизм снимает необходимость в рефлексии и, таким образом, обеспечивает основание для безразличия.

Атараксия³⁴ технократизма проявляется как игнорирование традиционных ценностей добра и зла, нравственности и других базовых ценностей как теоцентризма, так и антропоцентризма. Произошел отказ и подмена традиционных ценностей европейской цивилизации – и все это произошло «неслышно». Приведу пример из архитектуры: Ле Корбюзье был обвинен в беспринципности, которая выражалась в предложении своих проектов различным стоящим у власти правительствам, не делая различия между советским, буржуазным или фашистским строем. С точки зрения технократизма эти обвинения были необоснованны. Действительно, разве от смены правительств люди утрачивают потребность в жилье? Разве планирование городов изменится от того, какая партия победит на выборах? Все обвинения бес-

[50]

³⁴ Атараксия – безразличие, термин древнегреческой философии.

почвенны, потому что технократизм стоит по ту сторону добра и зла, а техническая деятельность является внеморальным видом деятельности.

Завершая рассмотрение ценностей технократизма, замечу, что каждая новая этическая система давала что-то новое своим сторонникам. Христианский теоцентризм внедрил в мировоззрение людей чувство вселенского единения людей и Бога, подарил уверенность в загробном воздаянии и свободу воли. Он избавил человека от слепой воли случая или божественного произвола олимпийского «комитета». Человек обрел уверенность в определяемой его поведением форме загробной жизни. Ответственность человека перед Богом за свое мышление и деятельность определяла его поступки.

Антропоцентризм разорвал путы религии и освободил человека, дав ему чувство абсолютной свободы и индивидуальной ответственности. Как заметил Ф.Ницше: «Бог умер!» - и тут же вывел на подмостки философского театра «Сверхчеловека», несущего груз индивидуальной ответственности перед самим собой. В такой ситуации мышление стало относительным, любая точка зрения стала возможной. (Зато утрачивалось представление о мере и справедливости.) Признание этого права за другими людьми стало основой современной западной демократии и либерализма. Интересно, что переходной формой от антропоцентризма к техноцентризму в науке, на мой взгляд, является методологическая установка П.К.Фейерабенда. Его тезис: «Все возможно!» – отражает попытку демократизации и либерализации процесса научного познания. Вслед за этим П.К.Фейерабенд расширяет его применение и предлагает отделить науку от государства подобно тому, как от него отделена религия. Таким образом, наука уравнивается с другими формами идеологии и получает возможность в равноправной конкурентной борьбе отстаивать свои мировоззренческие, онтологические, гносеологические, аксиологические и другие утверждения. Попытка П.К.Фейерабенда предложить полное равноправие любых форм познания очень напоминает любимый теми, кто мыслит технократически, редукционизм.

Технократизм подарил надежду на непрекращающееся улучшение условий жизни и возможность разрешения всех существующих проблем [20. С. 266 – 267]. Он освободил человека от «химеры ответственности».

Приходится констатировать, что, подобно атеистическому антропоцентризму, приведшему нас в тупик абсурда, технократизм привел к экологическому кризису. Как, двигаясь в русле атеистического антропоцентризма, невозможно обрести смысл человеческого существования, так и технократическими методами невозможно разрешить экологические проблемы в био-, гео-, социосфере, а также проблемы личности.

Технократизм изумительно не эффективен. Локально он может продемонстрировать невероятные успехи и фантастические достижения, но затраченные ресурсы, несбалансированность достижений, порожденные противоречия и замаскированные проблемы – вечные спутники технократизма. Если для технологий свойственно стремление к максимальной эффективности, то технократизм формально провозглашает эффективность в качестве своих целей, но она никогда не становится ценностью.

В перечисленных свойствах технократического мышления скрыт и его «могильщик» – утопизм. Любая неудачная ситуация рассматривается технократами либо как следствие недостаточного проектирования, либо как неверное исполнение плана, либо как непредвиденное стечение обстоятельств. (Широко распространено мнение о том, что идея коммунизма хороша, но была плохо реализована в СССР, или объективные обстоятельства, такие как падение цен на нефть в конце 80-х, создали условия для конца этого эксперимента.) Виновными становятся проектировщики, исполнители, объективные события, но не само мышление. (Спектр «объективных» причин породила советская действительность: от происков мирового империализма до таких стихийных бедствий, как наступление времени сбора урожая и зимы с морозами и снегопадами. Отличились и западные персонажи: Наполеон и Гитлер отправились «завоевывать» Россию, напрочь забыв о климатических факторах, позже с их помощью объяснив свои неудачи.)

Неадекватность технократизма миру – вот причина, по которой необходимо противостоять технократическому мышлению. Любая попытка социальной трансформации общества, осуществляемая в угаре технократического мышления, будет обречена на провал, так как любое социальное воздействие будет вызывать встречное сопротивление общества, альтернативные и компромиссные варианты решения, борьбу за влияние, ресурсы и так далее. Учесть все это многообразие не представляется возможным. У технократа остается две стратегии – проводить в жизнь первоначальный план, «невзирая ни на что», или погрязнуть в инфинитном проектировании. Технократическая ориентированная трансформация общества обречена на провал еще и по причине ограниченности ресурсов, как материальных, так и духовных. И, наконец, из технократического мышления выпадает целостное видение картины планируемых трансформаций. Все решения сводятся к радикальному изменению некоторых узловых точек. Считается, что это позволит исправить все существующие недостатки.

Единство и взаимозависимость социальных, культурных и технологических процессов приводят к тому, что трансформировать отдельные элементы, не затронув всю социальную организацию, невозможно. И чем значительнее необходимые для модернизации общества преобразования, тем серьезнее сопротивление общества усилиям реформаторов [78. С. 59-60]. Эксплуатация энтузиазма масс в первые годы советской власти привела к атрофии бескорыстного труда на благо общества как целого. Естественная инерция общества, его неспособность трансформироваться с заданной скоростью были интерпретированы руководством страны, как враждебные «происки буржуазии». Сопротивление общества навязываемой сверху коллективизации и индустриализации послужило обоснованием тотальных репрессий. Бесконечное построение «развитого социализма» при Л.И.Брежнев, а потом «социализма с человеческим лицом» в эпоху М.С.Горбачева отвечало варианту инфинитного проектирования. Распад Советского союза стал закономерным следствием «перестройки» части социальных

отношений с замораживанием системы управления государством. Наконец, наивное ожидание настоящих инвестиций и демократии при размещении Стабилизационного фонда в Америке отражает объективные условия, по которым нормальная жизнь в России откладывается на неопределенный срок.

Не нужно мифологизировать технократизм, представляя его характеристики, как абсолютный набор свойств, присущий любому мыслящему технократу. Также опасно считать технократизм глобальным, неустранимым Злом. Рационализм как стремление к адекватности построенных моделей окружающей действительности постоянно указывает технократу на ошибочность его конструктов. Ставший народной поговоркой крик души: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!» – отражает реакцию человека, наделенного властью, на результаты собственного дела. Он всегда стремится сделать, как лучше, и искренне не понимает, почему получается иначе. Технократ не может не любить и не ценить свое дело и полученные им результаты – он не патологичен и не деструктивен в смысле Э.Фромма. Поэтому технократам (но не всем и не всегда) можно кое-что объяснить. Для этого необходима рациональная конструкция, достойная его внимания и адекватная его мышлению. Рассмотрение ценностей технократизма указывает технократу на ошибочность его конструктов, но его это не волнует. Он знает, что человек – важнейший капитал, первая производительная сила и основа современного производства.

В реальной повседневной человеческой деятельности этика и рационально сформулированные ценности остаются уделом профессионалов, озабоченных формированием философских концепций. Обыватель не размышляет об аксиологии. Для описания такого поведения необходимо перейти от этики и ценностей технократизма к рассмотрению особенностей нового мышления.

5. Технократическое мышление.

Сразу оговорюсь, что само по себе технократическое мышление имеет много преимуществ перед иными формами мышления. Во-первых, оно логично и последовательно. Используя это мышление, решаются многие (но не все!) практические задачи (экономические, производственные, инженерные и т.д.). Во-вторых, технократическое мышление лишено рефлексии о культуре; это позволяет, абстрагируясь от множества внешних факторов, сконцентрировать внимание на главной задаче, упростить ее до вида, поддающегося решению существующими методами³⁵. В-третьих, в таком мышлении практически отсутствует различие между живым и неживым; скорее, живое должно подчиняться тем же правилам, что и неживое.

Преимущества технократического мышления особенно заметны в процессе международной интеграции. Попытки достижения консенсуса связаны с нахождением общих точек зрения и устранением разногласий. Сложности, возникающие на практике, обусловлены различными системами ценностей, интерпретациями, целями и другими факторами. Технократически мыслящая личность способна ясно сформулировать как цели, так и методы их достижения. Поэтому в ходе переговоров вырабатываются такие формулировки, которые удовлетворяют всех участников, но в содержательном пла-

[55]

³⁵ С точки зрения Г.Ф.Юнгера, технократ («Техник») отвергает все факторы, вступающие в противоречие с его («Техника») представлениями о целесообразности, имеющими адекватное применение ТОЛЬКО в рамках самой техники [102. С. 122-123].

не являются крайне бедными, ибо только в этом случае возможно согласие. Технократическое мышление упрощает существующую проблему и решает ее, но не в реальном, а в абстрактном, далеком от реальности виде. Создается имитация решения проблемы. В этом случае, чем сложнее стоящая задача, тем заметнее разница между реальной проблемой и ее формализованным выражением. Яркими примерами могут служить решения Правительства по монетизации льгот в 2005 г., по переходу на новые акцизные марки на алкоголь в 2006 г. и т.д. Причем речь идет не о самих процессах монетизации или введении новых марок, а о контрасте между реальной сложностью реформы и отображением этой проблемы в решениях.

Для различных профессиональных групп технократизм является единственным полем, в рамках которого возможен продуктивный дискурс. В тех случаях, когда технократическое мышление распространено в границах профессиональной деятельности, его негативные стороны могут быть подвергнуты критике внешними наблюдателями. В этом случае не исключена возможность выбора иного решения или коррекции уже принятого. Основанием для подобной критики является широко распространенная этическая модель, позволяющая апеллировать к высшим ценностям, стоящим над ценностями профессионального сообщества. В случае если технократическим мышлением охвачена большая часть социально активных граждан, внешняя критика становится невозможной.

На мой взгляд, опасным представляется то, что технократизм ныне вышел за пределы профессиональных сообществ и стал основой новой глобальной этики. Теперь его ценности разделяются большинством людей. Но люди не живут в реалиях профессионального сообщества, их повседневная жизнь сложна и многообразна. Поэтому использование ценностей, сформировавшихся в научной и инженерной деятельности, приводит к неадекватности как в межличностных, так и в социоприродных (экологических) отношениях.

Причины разрыва, возникающего между реальностью и ее отображением с помощью технократического мышления, а также

основания и эволюция этого типа мышления – проблемы, требующие внимательного изучения. Отчуждение, вандализм, деструктивность, экологический кризис – вот неполный перечень последствий доминирования новой технократической этики над старыми религиозными и гуманистическими (антропоцентрическими) ценностями.

Технократическое мышление и его властное проявление – технократизм – не новы [64]. Современная ситуация научно-технического прогресса предоставила технократическому типу мышления очередную возможность максимально реализоваться. Этому способствует возрастающая зависимость существования человека от техники, а также усложнение общественных процессов, возможное на основании социальных технологий. Вне технологических процессов и без использования техники современное человечество перестанет существовать.

Новые ценности и основанное на них мышление не могут не привлекать внимание критиков технократизма [88], [89]. *«Техника пытается включить в себя науку о человеке, рассматривая его как винтик, как звено, как компонент технической или социально-технической системы, как агента, а не субъекта деятельности»* [30. С. 191-192], – пишут отечественные психологи о технократическом мышлении. Конечно, речь здесь должна идти не о технике, а о человеческом мышлении, способном представить человека как технического агента, полностью описываемого небольшим набором профессиональных характеристик.

Для проводимого здесь анализа технократического мышления я использовал труды авторов, которые совмещали практическую деятельность с теоретизированием (философствованием) в области их профессии.

Одной из самых интересных в этом плане профессий оказалась архитектура. В ней переплелись инженерная (разнообразная техническая), естественнонаучная и философская (гуманитарная) составляющие. Влияние архитектуры на социальное устройство нельзя переоценить. Потребности нового градостроительства и реконструкции существующих поселений вызвали к жизни не только

архитектурные проекты, но и заставили архитекторов отстаивать свои представления, что не может не рассматриваться, как попытки построения социальных философских моделей, идущих как от практики строительства, так и от существующей культуры (и гуманитарной, и естественнонаучной).

Интереснейшим объектом для анализа оказался творчество Ле Корбюзье, которого обвиняли в «грехе технократизма» еще при жизни. Его теоретические и практические проекты определили развитие архитектуры в XX в. Для меня важно было рассмотреть проявление технократизма не только в архитектурных произведениях, но и в его мышлении. Конфликт между текстом и проектом, внутренняя противоречивость самого текста позволяют делать выводы о самом мировоззрении человека и в его ценностных представлениях.

Для иллюстрации переноса мышления и ценностей из сферы профессиональной деятельности на другие области я рассматривал работы, маскирующие технократизм под антропоцентризм³⁶. Значительно шире распространена форма неантропологического (рационального) технократизма, вообще игнорирующего человека как значимый фактор. Примером такого варианта мышления можно считать фрагмент, посвященный описанию технической реальности из работы Б.И.Кудрина. Он пишет: *«Технетика (наука о технической реальности – А.М.) как бы исключает человека из рассмотрения: если завод построен и работает, то структура установленного оборудования находится в пределах, задаваемых параметрами гиперболического H -распределения. Почему-то это вызывает устойчивое неприятие, в отличие, например, от сопроматовского (сопромат (сопротивление материалов) – наука о прочности и деформируемости элементов сооружений и деталей*

[58]

³⁶ Антропологическую интерпретацию технократизма рассматривает и В.П.Рачков, обращая внимание на то, что технократам вообще свойственно повышенное внимание к проблеме человека [82. С. 120]. Анализ произведений Ле Корбюзье подтверждает его вывод.

машин – А.М.) *расчета балки на двух опорах, где «примыслить» человека – очевидная нелепость»,* – пишет Б.И.Кудрин [42. С. 18]. В свою защиту представители этой формы технократизма всегда могут привести естественные науки (что Б.И.Кудрин и делает) и настаивать на том, что их взгляды – не более чем одна из возможных абстракций. С ними можно согласиться и лишь дополнять и развивать их представления в социальном и антропном аспекте, рассматривая полученные ими результаты, как частный случай описания более широкого пласта реальности. В случае с анализом работ Б.И.Кудрина именно такой точки зрения я и буду придерживаться, тем более что в них присутствует и «человек», и «социум», по крайней мере, на уровне определений. Противоречие между определениями и самим текстом позволяет мне рассматривать его работы как пример технократического мышления. В тексте «человек» и «социум» полностью вычеркнуты из числа действующих лиц. Такой конфликт возможен только как отражение внутреннего противоречия между тем, «что есть» – реальным мировоззрением, и тем, «что должно» – культурно заданной традицией.

Возражение в этом случае одно: «раз существует абстрагирование от человеческого фактора в естествознании, то что мешает описывать техническую реальность в объективных терминах»? И я далек от того, чтобы рассматривать такой подход, как технократический. Но здесь идет речь о специфическом подходе к описанию реальности, который зарождается в сферах естествознания, инженерной практики, а через технику и технологии **распространяется в обществе и применяется в повседневной жизни**. Поэтому все методы, которые допустимы в естествознании, становятся технократизмом в социальной и гуманитарной сфере.

Сама техническая реальность, на мой взгляд, неразрывно связана с культурой, социумом и человеком. Раньше техническая реальность подчинялась культуре, была ее частью, отражала соответствующие ей ценности (эстетические, религиозные и т.д.). Теперь с формированием и распространением инженерной деятельности техническая реальность не просто обособилась от культуры, а стала ее активно формировать. Актуальной стала проблема выбора между двумя опии-

сательными интерпретациями системы антропогеосферных взаимодействий: либо мы живем в социо(техно)-био-гео-системе [84], где человек использует техническую реальность в своих целях, либо в техно(социо)-био-гео-системе, в которой человек и общество развиваются согласно правилам техномира, подчиняясь его требованиям и становясь придатком системы. Вопрос в простой форме звучит так: «Кто или что управляет миром? Человек или техника?».

Техническая реальность задает условия для нашей деятельности, а также предлагает и способы общения. Техника включена в межличностные отношения: человек-техника-человек, общество-техника-человек и т.д. Технологии создают новые условия для развития коммуникаций³⁷. В узкой сфере производственных отношений вся деятельность человека (теоретически) подчинена достижению успеха. Этой цели служат и межличностные отношения (в России традиционно межличностные отношения оказывают значительно большее влияние на производство, чем на Западе). По крайней мере, межличностные отношения возникают благодаря профессиональной, а, следовательно, и производственной деятельности (понимаемой мной, как синоним любой социально институированной деятельности). *«Внутренняя аморальность (конечно, речь здесь идет о представлении технической реальности как морально нейтральной – А.М.) технологии приводит к тому, что современный человек (...), в конечном счёте, принимает технологические критерии в качестве критериев своей деятельности. В итоге он постепенно выхолащивает область моральных различий, необходимую для его действий»* [1. С.

[60]

³⁷ «Не так легко определить, как наука и технология изменили наш внутренний мир: заставили нас смотреть на вещи иначе, привили нам новое мировоззрение, поместили нас в ситуацию новых межличностных отношений и новых социальных иерархий, вызвали новые надежды и личные потребности, новые проблемы и этические задачи, в целом – побудили в нас новые способности, но и столкнули с новыми трудностями». [1. С. 27]. «Трансформация образа жизни и потребностей человека, происходящая под воздействием техники, также плохо поддается описанию и тем более точному прогнозированию» [84. С. 23].

98]. Следовательно, все попытки объективного описания техники не позволят решить важнейшую и актуальнейшую проблему гуманизации техники, а также естественнонаучного и технического образования. Вне социокультурного контекста становятся неразличимыми в моральном плане такие важные для принятия практических решений составные элементы технической реальности, как наука, техника и технологии [61]. Их разное воздействие на социум и адаптация социума к новым достижениям научно-технического прогресса могут быть осознаны только при интегрированном рассмотрении технической и социокультурной реальности.

В зависимости от культурного и социального контекста самые передовые технологии могут оказаться непригодными для применения или даже опасными [62]. *«Если неправильно применять такие безобидные на вид вещи, как компьютеры и коммуникации, это не только не приведет к повышению производительности, но и снизит ее, получится не только польза, но и вред людям»* [36. С. 194]. Множество проблем, порожденных распространением ядерных, химических и биологических технологий в странах с нелегитимными режимами, применение опасных производств в странах с дешевой рабочей силой и т.д. подтверждает сказанное. Общества с недостаточным уровнем образования и особенностями национальных культур или политики сталкиваются с проблемой использования заимствованных технологий при нарушении правил эксплуатации, упрощением техники безопасности. Причем нарушения, упрощения, дополнения и др. воспринимаются и осуществляются как «очевидные» в рамках данной культурной традиции, но они далеко не очевидны для создателей технологий. Когда человек с рождения вовлечен в технологии [106. Р 311], и общая культура отношения к технике закладывается в сознании на уровне онтологических мировоззренческих принципов³⁸.

[61]

³⁸ Отсюда следует, что практические занятия в средней школе по естественнонаучным дисциплинам – неотъемлемая часть подготовки человека к жизни в техногенном мире.

Нет человека без вовлечения его в техническую реальность и нет технической реальности, существующей независимо, по своим законам, вне отношений, складывающихся в социуме.

Везде, где существует рассогласование культуры и применяемых технологий, где передовые технологии заимствуются из-за рубежа или технологии сменяются быстрее, чем культура и общество успевают к ним адаптироваться, будут возникать разнообразные проблемы³⁹. Таким образом, технократизм находит широкое поле для своего применения, не только ускоряя процесс модернизации общества, но и загоняя это общество в тупик экологического и социального кризиса. *«Несоответствием целевой и ценностных форм рациональности определяется современная технологическая эпоха, что считается глубочайшей причиной экологического кризиса и, вообще, кризисом управленческих проблем современных обществ»* [96. С. 42] – считает В.Хёсле.

Применение техники и подчиненность мышления человека технологическим процессам не могли не отразиться на его мировоззрении и формировании особой ценностной системы [30. С. 32-33, 188-189], [37. С. 11, 26], [69. С. 10]. Опасность технократизма заключена в постоянных попытках скрыть существующее подчинение человека технологиям. Можно только присоединиться к Э.Агацци, утверждавшему, что *«...вместо того, чтобы обвинять науку и технологию в проникновении во все поры нашего существования, мы должны спросить себя, до какой степени их проникновение стало возможным из-за познавательного и практического пренебрежения теми ценностями, которые должны одновременно хранить смысл существования и обеспечивать бдительность, которая не позволила бы упустить этот смысл»* [1. С. 103].

В прошлом само усложнение общества порождало, согласно Э.Дюркгейму, новую форму солидарности – органическую солидарность [26. С. 127-128]. Однако в его время не профессия, а об-

[62]

³⁹ Проблемы связанные с заимствованием Индией западных технологий рассмотрены в [113. Рр 193 – 200].

щество определяло поведение человека, и поэтому освобождение от общественного контроля предоставляло, по мнению французского социолога, простор для частной инициативы. Процесс разделения труда привел к обособлению профессиональных групп как от общества, так друг от друга. Общество как целое практически утратило единые ценностные ориентиры, заменив их узкопрофессиональными. Человек стал частью социально-профессиональной группы, вне которой он не представляет никакой ценности. Как следствие, в различных областях человеческой деятельности начали активно формироваться «профессиональные этики», хотя *«порочна уже сама мысль о «специальном» предназначении этической системы, ибо предполагает, что такая система может работать в одном случае и не работать в другом»*, – считает Ю.Хен. С ним можно согласиться и в следующем – «действительное назначение «практических» этик: они есть не что иное, как паллиативы, изобретаемые человечеством ради примирения с собственной совестью применительно к случаю, когда человек не в состоянии соответствовать жестким требованиям нормативной морали» [95. С. 122]. Когда общие для данной культуры нормы оказываются бездейственными в сфере производственных отношений, то им на смену приходит профессиональная моральная проблематика [2. С. 22].

И вот, начав формироваться в недрах естествознания, захватывая сферу профессионального общения, технократическая этика и связанное с ней мышление стали распространяться на все глобализирующееся общество.

Одним из проводников этой этики выступает образование, ограничивающее гуманитарное знание в угоду естественнонаучному. Другими проводниками технократизма стали архитектура и градостроительство. Идеи, высказанные и воплощенные на практике архитекторами на многие десятилетия задавали условия, в которых проходила земная жизнь горожан.

6. Ле Корбюзье как яркий представитель типичного технократического мышления.

«Я всегда считал человеческий фактор ключом к решению вопроса».
Ле Корбюзье

На горе стояло здание ужасное,
Издаля напоминавшее ООН.
В.С.Высоцкий

Самое зависимое от элементов Великой Триады искусство – архитектура. Ее воздействие – наиболее заметный способ влияния науки, техники и технологий на общество. Архитекторы, особенно когда они занимаются теоретическими размышлениями или обоснованиями собственных проектов, т.е. тем, что может быть с полным основанием названо философией архитектуры, затрагивают самые актуальные проблемы взаимодействия общества и Великой Триады.

Наибольшими культуuroобразующими факторами города, связанными с технической реальностью, являются его архитектура, промышленное производство, коммунальные услуги. Американский архитектор Л.Мис ван дер Роэ писал:

«Техника уходит своими корнями в прошлое.

Она господствует над настоящим и устремляется в будущее.

Она подлинное историческое движение, одно из Великих движений, которые определяют и представляют соответствующую эпоху [...].

Техника – нечто гораздо большее, чем метод, она таит в себе целый мир.

Как метод она первенствует почти во всех отношениях.

Но только там, где она представлена самой себе, как это имеет место в гигантских инженерных сооружениях, техника обнаруживает свою истинную природу. [...].

Всюду, где техника достигает настоящего совершенства, она переходит в архитектуру. [...].

Архитектура зависит от своего времени.

Она кристаллизация его внутренней структуры, постепенное раскрытие его формы.

Вот почему техника и архитектура так тесно взаимосвязаны» [64. С. 374-375].

В словах архитектора проглядывает пиетет перед техникой, тут нет и намека на гуманитарную составляющую архитектуры. Но есть архитектор, который поднял технократизм на недостижимую для других представителей его профессии высоту, замаскировав его удивительными по своей убедительности аргументами в защиту человека. Имя этого человека вписано золотыми буквами в историю архитектуры – Ле Корбюзье.

В трудах Ле Корбюзье технократическое мышление маскируется под антропоцентрическое; для этого используются слова и термины, призванные показать роль и значение человека. Сравнительный анализ текстов и проектов, как реализованных, так и оставшихся на бумаге, выявляет чудовищное количество противоречий. Они и представляют интерес для данной работы. Так Ле Корбюзье в 30-50-е годы прошлого столетия принял за аксиому положение, «*что предназначенный для человека дом должен быть создан в человеческом масштабе*». Для этой цели он разработал человекомерную гармоническую систему мер – Модулор⁴⁰ [53]. В этом случае архитектора выбрал отдельную характеристику, абсолютизировал ее, возвел в ранг закона и наложил эту матрицу на реальность. В Марселе (1946-1952 гг.) по этой схеме была возведена «Жилая единица». Все, что выступало за края, было беспощадно отрезано. В представлении Ле Корбюзье это выглядело следующим

[65]

⁴⁰ См. иллюстрацию на обложке.

образом: «Мы вписали здание непосредственно в марсельский пейзаж. Мы всегда думали о природе, и природа отплатила нам сторицей – она вошла в дом»⁴¹ [49. С. 191]. Однако нашлись люди, которые думали иначе, и еще на стадии строительства боролись с идеями Ле Корбюзье. Архитектор так рассказывает о кознях своих противников:

«Министру (градостроительства – А.М.) был представлен доклад, основной вывод которого сводился к необходимости полного изменения нашего проекта. [...]»

– Что вы думаете об этом докладе, г-н Ле Корбюзье? – спросил он.

– Я оставлю его без внимания.

– Прекрасно, – ответил министр, – [...]». *Ваша работа не регламентируется действующими нормами, вы можете действовать целиком по вашему усмотрению, вводить любые новшества, какие только вам заблагорассудится. Вы берете на себя подобную ответственность?*

*– Согласен, г-н министр...»*⁴² [49. С. 192].

Преодолев сопротивление завистников, он завершил строительство и дождался закономерного триумфа: «Сегодня наступил день нашей победы [...]. В Марсель хлынули туристы со всех континентов, [...]; в среднем до двухсот посетителей ежедневно;

[66]

⁴¹ Позиция Ле Корбюзье достаточно понятна: он добивается согласия архитектурного сооружения с природой. По крайней мере, именно такую оценку он дает себе. Но реальность не соответствует его представлениям. Так игнорирование движения Солнца по небосклону привело к тому, что оно светит в глаза водителям Рио-де-Жанейро два раза в день на восходе и на заходе, а город Чандигарх (Индия), проектируемый уже после бразильской ошибки, опять построен с игнорированием особенностей местного климата. Таким образом, расхождение между заявленными успехами и полученными результатами максимально. Как я постараюсь показать далее, такие противоречия не случайны, а закономерные результаты технократического мышления, активно маскируемого под антропоцентричный экологизм.

⁴² Завершение этого диалога будет дано несколько позднее.

крупные газеты, журналы, научные издания шлют в Марсель своих корреспондентов. Многие страны командируют специалистов» [49. С. 191]. С его точки зрения проект был положительно оценен.

Но с другой стороны, далекой от приступов технократического мышления, «триумф» выглядел несколько иначе: *«Пропорциональная целостность, однако, не исключала появления неудобных абсолютных величин. Слишком малый планировочный шаг не только привел к появлению детских спален шириной менее 180 см, напоминающих купе железнодорожных вагонов, но и сильно ограничил возможности персональных трансформаций в жилищах. [...] Кухням, образующим «сердце» жилищ, при очень глубоком корпусе недостает естественного света.* («Недостает естественного света» – это еще мягко сказано! Его там нет и БЫТЬ не может. На плане кухни помещены МЕЖДУ комнатами, окна которых выходят на противоположные стороны дома, т.е, в 10 метрах от окон! Соотношение ширины и длины жилой половины жилища, разграниченные еще в длину ширмой, составляет 4 к 1 для первого этажа квартиры! Общие размеры квартиры: ширина 366 см.; высота 226 см (кроме гостиной), длина – 24 метра [53. С. 86], [112. С. 21–24]. – А.М.) Торговый центр, расположенный в середине высоты здания, [...], испытывает Финансовые трудности и остается неразвитым» [31. С. 532]. Ошибки французского архитектора легко заметить. Он выбрал слишком малый планировочный шаг, предложил не пропорциональный ширине и высоте глубокий корпус⁴³, неудачно расположил кухни, ограничил возможность преобразования планировки, создал неразвивающийся-

[67]

⁴³ В защиту глубокого корпуса зданий можно сказать, что эта идея Ле Корбюзье оказалась продуктивной, но не в технократическом варианте минимизации потребностей человека, а, наоборот, в способности найти решение, сочетающее экономические и экологические качества с повышением комфортности жилья. Но вот о комфортности жилья Ле Корбюзье и не думал. Современные отечественные архитекторы ищут варианты создания ширококорпусных домов, в том числе и для строительства их с использованием стандартных элементов, выпускаемых заводами железобетонных изделий для домов «традиционной» ширины [79. С. 38-39].

ся торговый центр. Вершиной творения «гуманизованного» технократа являются спальни. Результатом – непригодное для людей жилище. «Но если исправить ошибку, выбрать другой масштаб, то все сразу нормализуется» – подсказывает нам технократическое мышление. «Появятся другие ошибки, а результат останется тем же: жилище будет непригодным для жизни» – говорит нам мышление обычное.

Применение Модулора на практике не получило широкого распространения. Среди множества объяснений этого «прискорбного факта» Д.Хазанов называет несовпадение метрических и дюймовых единиц и величин Модулора (но это не имеет никакого отношения к рассматриваемым технократическим тенденциям в мышлении архитектора), «противоречие Модулора с принципом составления целого из равных или соизмеримых частей, который свойственен любому строительству, осуществляемому с применением готовых изделий», и определению исходной величины – роста человека (183 см стоя и с поднятой рукой 226 см) [94. С. 17, 18]. Само желание соотнести архитектуру и строительные пропорции с человеческими размерами в высшей степени похвально, но посмотрим на результат: 226 см, предлагаемые Ле Корбюзье, полученные исходя из таких благих намерений ... меньше минимальных стандартных величин в 2,35-2,4 м, принятых для Европы и 2,5 м для СССР [94. С. 18] (в моей квартире, построенной в годы застоя, потолок расположен на высоте 2,6 м).

Но если послушать Ле Корбюзье, то все выглядит иначе: «...например, оптимальной высотой жилого помещения мы считаем 4 метра 50 сантиметров. Эта высота делится надвое: дважды по

2 метра 20 сантиметров⁴⁴» [49. С. 126]. Но площадь помещения с высотой 4,5 метра, составляет менее четверти квартиры (!), а для остальной площади квартиры высота оказывается 2,20 м. Таким образом, высота в квартире в два раза меньше оптимальной. Но и величину в 2,20 м Ле Корбюзье также обосновывает как оптимальную, соразмерную человеку. Так почему архитектор смешивает эти две величины и какую считает истинно оптимальной?

Человекомерное рассогласование текста и проекта требует отдельного рассмотрения. Возникает ощущение, что текст «Афинской Хартии» и здание «Жилой единицы» – порождение разных людей, с разными типами мышления. Весь текст Хартии пронизан человеческим участием Ле Корбюзье к потребностям будущих жителей его городов и домов. Текст насыщен реальной заботой о гармонии человека, природы и пространства [55. С.92-96], гигиены [55. С. 96-98, 1001-103], интересом к сохранению исторической архитектуры [55. С. 113-115]. Первым среди архитекторов Ле Корбюзье выдвигает требование при проектировании учитывать расположение дома относительно движения Солнца для достижения необходимой инсоляции (освещения Солнцем помещений), вентиляции и других важных для здоровой жизни факторов. Если поверхностно рассматривать работы по философии архитектуры французского зодчего, то никаких первоначальных подозрений о технократическом мышлении последнего не возникает. Наоборот, большего от архитектора и требовать нельзя! Почему же тогда получается, что его архитектурные проекты оказываются хуже для человека, чем проекты, сделанные на иной, не технократической основе? Подобное рассогласование не результат сознательной маскировки своих истинных намерений, а следствие серьезного противоречия подсознательных ценностных (эстетических и этических) предпочтений и работы самого «Я», – по З.Фрейду.

Примером человекомерного антропоцентризма может служить следующий фрагмент, который я позволил себе озаглавить, как «Песнь Модулора» (слова Ле Корбюзье).

[69]

⁴⁴ Разница в 10 см объясняется толщиной потолочного перекрытия – А.М.

«Изучение пропорциональности на протяжении всей моей жизни привело меня к открытию, связывающему простым математическим соотношением числа и человеческую фигуру. Плодом этого открытия стал измерительный инструмент огромного значения, которым можно 1) пользоваться применительно ко всему, что производится серийным или иным образом, например, к машинам, зданиям, мебели, книгам. 2) Пагубным последствиям утраты человеческого масштаба, которая имела место на протяжении последнего столетия, отныне положен конец... 3) Гармония, вновь обретена благодаря Модулору, была бы бездушной, если бы носила чисто математический характер. 4) По счастью, она глубоко созвучна человеку. Основанный на золотом сечении, которое дано пропорциям человеческого тела, Модулор устанавливает неразрывную связь между чисто математическим феноменом и определяющим фактором зодчества – задачей дать приют человеческому телу» [51. С. 264] (все подчеркивания и нумерация мои – А.М.).

Психоанализ творчества Ле Корбюзье еще ждет своего исследователя, позволю себе только отдельные замечания. В рассматриваемом фрагменте архитектор осуществляет: 1) перенесение метода на все объекты серийного производства⁴⁵. *«Серийное изготовление предметов требует установления стандартов. Стандарт ведет к совершенству»* [51. С. 235] – (Разрядка Ле Корбюзье – А.М.). 2) Абсолютизация решения⁴⁶. 3) Сознательный отказ от признания чисто математического подхода – вытеснение по З.Фрейду. 4) Противоречие с предыдущей позицией, так как чистая математика, «по счастью, глубоко созвучна человеку». Можно сделать вывод, что истинное – «подсознательное» – отношение к живому человеку у Ле Корбюзье как к объекту неживой природы. Ле Корбюзье не различает живое и мертвое – это свойственно технократическому мышлению и является его важнейшей характеристикой.

[70]

⁴⁵ В этом проявляется ценность заменяемости.

⁴⁶ Ценность всерешаемости.

Более ранние тексты включают в себя откровенно машиномерные гимны. В дальнейшем они были вытеснены в подсознание «человекомерными» гимнами.

«Машина, феномен современности, производит в мире реформацию духа ... Машина построена на основе не фантазии, а особой духовной системы, которой человек отдал самого себя, системы, которая создала целое новое мироздание.

Машина вся – от геометрии. Геометрия – наше Великое творение, приводящее нас самих в восторг.

Машина показывает нам сияющие диски, шары, цилиндры из блестящей стали, из стали, разрезанной с точностью и остротой⁴⁷, каких никогда нам не показывала природа.

Чувство приходит в волнение, в то время как разум извлекает из потока памяти диски и шары богов Египта и Конго⁴⁸. Геометрия и боги восседают на одном троне.

Уроки машины – чистота, экономия, воля к мудрости. Новая мечта: эстетика чистоты, точности, согласованных усилий, приводящих в движение математические механизмы нашего разума...» [цит. по: З. С. 38-39].

В текстах французского зодчего и философа архитектуры Ле Корбюзье на первый взгляд парадоксально соединяются машиномерные и человекомерные фрагменты. В работах, посвященных анализу его творчества, всеми отмечается противоречивость, как

[71]

⁴⁷ Опять проявление характерологической некрофилии, по Э.Фромму, – воспевание расчленения.

⁴⁸ Языческие боги – это очень кровавые боги. Связь технократизма и язычества интуитивно улавливается Ле Корбюзье, и в этом аспекте с ним можно только согласиться. Э.Фромм писал: «Мы перестаем быть хозяевами техники и, напротив, становимся ее рабами, а техника – некогда жизненно важный элемент созидания – поворачивается к нам своим другим ликом – ликом богини разрушения (вроде индийской богини Кали), которой и мужчины, и женщины жаждут принести в жертву и самих себя, и своих детей» – [93. С. 158].

характерное свойство мышлению архитектора. В более ранних работах отечественных критиков эта противоречивость раскрывается с идеологических позиций [3. С. 18], в более поздних указывается на сильное влияние индивидуальных [100], социальных [13. С. 127-135] и религиозных [31. С. 227] факторов на архитектора. Однако никто не рассматривал его творчество с психоаналитических позиций и не утверждал, что творчество Ле Корбюзье представляет не противоречие, вызванное теми или иными причинами, а закономерный результат особого вида мышления.

В чем проявляется технократизм Ле Корбюзье в случае Модулора? На мой взгляд, в противоречии между заявленными рациональными целями и подсознательными предпочтениями. Что сознательно заявляется Ле Корбюзье как основная цель использования Модулора? Создание жилья, соразмерного человеку и, следовательно, наиболее приспособленного для удовлетворения человеческих потребностей. Но подсознательно Ле Корбюзье ищет ответ на другой вопрос⁴⁹, который звучит так: «Как создать жилье, максимально дешевое в производстве?» Ответ: «Минимизировать потребности человека, максимально рационализовав использование жилой площади». Это и есть самый центральный вопрос архитектуры и философии Ле Корбюзье, ответ на который он искал в течение всей своей жизни.

В конце концов, выбор высоты потолка такой, чтобы человек с поднятой рукой мог до него дотронуться есть ответ на вариант второго вопроса: «Какой должна быть минимальная высота жилого помещения, в которое можно поместить человека?». Если размышления не детерминированы предпочтениями технического характера, то почему не выбрать высоту потолка, большую на десять/двадцать сантиметров, на десять пальцев, на пять ладоней, на два локтя и т.д., и уже от такой величины выстраивать человекомерную систему архитектуры? Откровенный ответ поистине обескураживает – существующие нормы высоты потол-

[72]

⁴⁹ Истинные вопросы и ответы Ле Корбюзье отражают ценность прагматизма.

ка уже получены и безо всяких ухищрений. Модуль необходим для снижения стоимости жилья, он направлен на создание минимального жилища. Ну, так и надо было говорить! Но технократизм как раз опасен своей маскировкой под человекомерность. А в случае Ле Корбюзье и многих других «корбюзьеров» истинные мотивы вытеснены в подсознание. Читая самого мэтра, никак не скажешь, что это пишет технократ. Пафос и искренность – неподдельные составляющие философских произведений этого архитектора.

Но, как это ни прискорбно:

*Бог часто ищет утешенья,
Вращая глобус мирозданья
И в душах пафос разрушения
Сменяя бредом созидания.*

И. Губерман

«Бред созидания» – Модуль – человекомерный урод с клешней нашел своих последователей и привел к созданию массовой «архитектуры» 70-х годов. Ле Корбюзье и как теоретик, и как практик опередил свое время и задал такой вектор развития архитектуры, изменить который – нелегкая задача. Так что благие пожелания поселить тела в «машины для жилья» (дома по Ле Корбюзье) осуществились. Но, слава Богу, кухни строились с окнами, вопреки французской «архитектурной философии».

Для «брёда созидания» Ле Корбюзье характерно стремление к минимизации пространства. Не только для помещенного в жилые единицы социального контингента, но и для себя лично архитектор минимизировал жилую площадь. Не стремясь навешивать ярлыки и претендовать на роль психиатра-любителя, обращаю внимание на агорафобию – боязнь открытого пространства – как психологическую основу представлений Ле Корбюзье о жилище. В данном случае я хочу обратить внимание на аналогию, а не на диагноз. Точно так же, как проводил Э.Фромм аналогию между некрофилией как расстройством психики и «ха-

Приступы технократического мышления могут носить и острый массовый характер. Политические движения начала XX в., особенно коммунизм, опирались именно на технократизм как форму мышления.

Для России технократизм предстал в виде марксистско-ленинского вероучения, делающего упор на рациональной организации социума в соответствии с достижениями науки и философии. В Советской России технократическое мышление было широко распространено. В полном соответствии с теорией З. Фрейда о вытеснении, откровенные технократические лозунги отвергались⁵⁰, политические программы преследовались, а лидеры уничтожались⁵¹. Несмотря на эту внешнюю показную технофобию, сами решения принимались в технократическом духе. Не только в Советской России, но и на западе происходили сходные политические трансформации. «Мы наблюдаем рождение технологического государства, которое является совсем не технократией; у этого нового государства есть в основном технологические функции, технологическая организация, и рационализированная система принятия решения» [106. Р. 59].

[74]

⁵⁰ Первоначальный лозунг: «Техника в период реконструкции решает все», был сменен И. Сталиным на: «Кадры решают все». [34. С. 300, 322]. Тем не менее, тождественность «человека» и «техники» оставалась неизменным мировоззренческим и политическим принципом. Не случайно, что броские лозунги эпохи находили отклик во всех слоях общества: примитивизм и доходчивость технократизма всегда будут обеспечивать его востребованность.

⁵¹ Утверждавший необходимость Интернационала технократов – «Техинтерна» – инженер П.А.Пальчинский был расстрелян [21].

В политической риторике Коммунистической партии Советского Союза роль науки и ученых всячески подчеркивалась, возникло и даже распространилось мнение, что ученые могут влиять на власть. Но на самом деле властные структуры, имитируя эту власть, лишь приближали к себе часть научно-технической элиты, но только в качестве советников по науке, экспертов по делам обороны или послушных исполнителей. Середина ушедшего столетия умерила претензии ученых, инженеров и техников на реальную политическую власть – им ее никто давать не собирался. Многие страницы реальных⁵² биографий выдающихся ученых и инженеров, занимают подневольный труд в шарашках, режим «секретности», защищающий от малейшего общественного признания заслуг, репрессии при отказе слепо выполнять решения партии (КПСС) и Правительства.

В Советской России с ростом социальной активности ее неграмотного населения, а потом с уничтожением неграмотности, на технократической основе сформировался не один, а все слои общества, за исключением специалистов с дореволюционным образованием (влиянием которых в масштабах страны можно пренебречь). Получившие доступ к образованию люди в силу ограниченности своих культурных потребностей не могли воспринимать мир иначе, чем через упрощенную схему. В процессе индустриализации, как справедливо замечает Л.Грэхэм, необразованные крестьяне пришли на заводы и обеспечили высокий уровень производственного травматизма и низкий уровень качества выпускаемой продукции [21. С. 72], а, я добавлю, еще и чрезвычайных происшествий на производстве.

Технократизм предоставлял возможность «простого, доступного для понимания, неправильного решения». Все трудности производства, вызванные различными причинами, в первую очередь, неквалифицированным персоналом, были интерпретированы, как «вредительство».

[75]

⁵² В изданных при советской власти биографиях эти промежутки жизни либо не описывались, либо искажались.

Пафос преобразования мира при помощи техники, эйфория от могущества человеческого разума, религиозное (языческое) преклонение перед техникой, ощущение свободы от каких бы то ни было ограничений накладывалось на чудовищное разрушение быта, превращение людей в человекомерные машины, утрату адекватного восприятия мира и, по сути дела, превращение человека в психически расстроенное существо. Его страдания никого не волновали, что указывало на разрушение основ христианского православного мировоззрения и появление какого-то нового представления о мире и месте человека в нем. Именно такой мир в поэтической форме пытался отобразить А.Платонов: мир, в котором смерть и разрушение сочетались с великим пафосом всепланетарного созидания. Только результат был бессмысленный и жалкий, кровавый по затратам.

Массовые приступы технократического мышления провоцировались официальной идеологией, подсовывающей простые объяснения сложных социальных и экономических процессов. Представление о разнообразных «врагах народа» позволяло подсказать массам решение проблем и канализировать их гнев. Столь долгое существование коммунистического режима в его «жестком» сталинском варианте во многом обусловлено низкой культурой широких масс населения. Как только на политическую арену вышло новое поколение инженеров и ученых, а восьмилетнее школьное образование получили несколько поколений советских людей, ситуация кардинально изменилась. Повысилась социальная значимость этой образованной и более культурной по отношению к предшествующим поколениям группы людей, в новых условиях «жесткий вариант» начал давать сбои. Чем выше уровень культуры и образования, тем больше потребностей необходимо удовлетворить для продуктивной работы ученых и инженеров. Это и бытовые, и культурные потребности, профессиональная необходимость в обмене информацией с другими людьми. Соответственно возрастает их самоуважение и претензии на властные полномочия.

И.В.Сталин это чувствовал, и поэтому репрессии послевоенных годов именно против интеллигенции новой (советской) формации стали приобретать еще больший размах, чем в 30-е годы. Но для продолжения «жесткого варианта» этого оказалось недостаточно, и после его смерти наступил период поиска «мягкого варианта».

Реформатор СССР Н.С.Хрущев, осознав невозможность конкурировать с США в военно-морском отношении, а также уязвимость крупных судов перед ракетами и ядерными взрывами, величину затрат на содержание и последующий ремонт, принял решение уничтожить строящиеся корабли. Этот поступок отражал технократизм его мышления – концентрацию на первоочередных задачах и игнорирование всех сопутствующих факторов, в первую очередь имеющих социальный аспект. Его поступок обычно рассматривается как бессмысленный, но причины такого решения вполне рациональны, а само решение технократично⁵³.

Продолжение роста культуры и образования, развития и усложнения экономики делали и этот «мягкий» вариант не жизнеспособным. Смена «врагов народа» на «происки мирового империализма», «диссидентов» ожидаемого результата не приносила. Технократический подход допускал решения в узких рамках между «жестким» и «мягким» вариантом управления обществом и экономикой как заводом [20. С. 267-268].

«Перестройка» М.С.Горбачева в полной мере отразила метания политической элиты в поисках выхода из кризиса. Отставание в научной, технической и технологической сфере, в первую очередь, в товарах народного потребления, подточили и без того тонкий базис доверия общества к правящей партии.

[77]

⁵³ «Если говорить о тех, кто определял стратегию развития советского сельского хозяйства, то и они были технократами – в том смысле, что стремились к сугубо техническому решению проблем, которые **по сути** (выделено мной – А.М.) были экономическими и социальными» [21. С. 121].

Новые правители России не могли рассматривать мир не технократически, поэтому ими была осуществлена не реформа, а разрушение всей политической и экономической системы. Мягкие решения не только не могли придти им в голову, но и реализоваться на всех уровнях управления.

Для развитой в промышленном отношении страны старые методы управления оказывались не эффективными. По мере усложнения производства и роста образования негативные последствия увеличивались, а перейти на новый вариант управления не получалось. Идеологический диктат требовал жесткого контроля, а развитие элементов Великой Триады требовало ответственности исполнителей, их умения принимать самостоятельные решения. Таковых явно не хватало и не хватает сейчас. Наглядным проявлением этой проблемы стала потребность МО России в студентах как солдатах, способных управлять современной техникой. Но решение находится вне технократического мышления, количество студентов не решит всех проблем армии. Необходимо повышать образовательный уровень населения серьезно пострадавший в конце прошлого, начале нынешнего века. Только таким способом будет решена задача комплектования армии адекватными современной технике призывниками, а заодно и множество других, не менее важных проблем.

В самом технократическом подходе скрыто серьезное противоречие: без образования развитие Великой Триады невозможно (и это понимают технократы). В свою очередь для развития образования необходимо развитие культуры как фундамента науки, техники и технологий (этого-то технократы и не понимают). Запуская процесс образования, они неминуемо сталкиваются с потребностями людей в развитии культуры. Для преодоления этого противоречия предпринимаются попытки предложить суррогатные формы культуры – масс-культуру, облегченный вариант. Такие попытки могут быть удачными, тем более что массовая культура существовала всегда. Но вот противоречие не устраняется – для создания масс-культуры необходимы люди, стоящие хотя бы на ступень выше ее, значит, возникает потребность в элитной куль-

туре. Элитная культура опять становится необходимой, и вместе с ней возникает старая проблема: каким образом сочетать управляемость массами (с их образованием и культурой) и развитие Великой Триады.

Нельзя сказать, что технократические решения полностью абсурдны. Они наполнены особым смыслом и реализуемы на практике. Реальная политика – это всегда попытка интуитивного нахождения баланса между разумными решениями и технократическими утопиями. Примеры Северной и Южной Кореи особенно наглядны: находящиеся в сходных условиях, два государства достигли совершенно разных результатов. Технократический Север может похвастаться ядерными и ракетными программами при всеобщей нищете населения, а технически и технологически развитый Юг – остальными достижениями технической цивилизации. На коротком этапе и в ограниченной области (тактически) технократизм имеет преимущества. Но в перспективе (стратегически) он всегда проигрывает. «Некоторые зарубежные обозреватели замечали, что до какой степени Советский Союз добивается успеха в одном направлении, в такой же степени он терпит поражение в другой» [20. С. 271]. Но приступы технократического мышления как в узких рамках профессиональных групп, так и в широких слоях на коротких исторических промежутках вполне возможны. Советская эпоха оставила образчики таких приступов в архитектуре. Советский архитектор Ф.А.Новиков описывает их, как *«психическое заболевание инфекционного характера»* [73. С. 419]. (Использование психиатрических терминов отнюдь не случайно. Сознание, не зараженное технократизмом, очень часто рассматривает его, как психическое расстройство. Причины апелляции к медицинской терминологии заключены в невозможности рационально противостоять технократизму. В психиатрии существует понятие *«систематизированного бреда»*, описывающее глубокое разрушение психики, более серьезное, чем *«отрывочный бред»* [28. С. 115]. Встреча с технократическим мышлением и вызывает аналогию с систематизированным бредом.) Столкнувшись с тем, что в МНИИТЭПе на «научной основе дока-

зывалась необходимость создания типовых проектов даже крупных общественных зданий, строящихся однажды в десятилетие» [73. С. 420], Ф.А.Новиков не смог прекратить эту деятельность, ему удалось лишь «приостановить» коллективный приступ технократизма⁵⁴. Такова сила инерции общественных процессов, принявших характер психической эпидемии. Можно согласиться и в следующем: *«Я не скажу, что стандартизация противопоказана архитектуре. [...] Но масштабы типизации, охватившей с «подачи» Хрущева и не без помощи самих архитекторов весь Советский Союз, действительно были безумны»* [73. С. 420]. В свою очередь, поправлю Ф.А.Новикова: типизация или унификация были широко распространены в системе централизованного управления всей страной, в том числе и в архитектуре. Уже в строительстве высотных зданий в Москве эта унификация была хорошо заметна: различные архитекторы построили очень похожие здания. Н.С.Хрущев расширил этот подход, внедрив типовое строительство в масштабах всей страны.

Н.С.Хрущев, чтобы удовлетворить потребность людей в жилье, нашел единственный выход – массовое строительство максимально дешевого жилья. Осуществить такую программу в масштабах государства с централизованной экономикой иначе и не было возможно. Позволить домостроительным комбинатам и заводам ЖБИ производить продукцию по требованию заказчиков означало передать властные полномочия от политических органов директорам предприятий, а для того, чтобы заказы отличались друг от друга, следовало позволить горисполкомам самим определять масштабы строительства, снимая с них ответственность за выполнение «решений партии и правительства». Следующим шагом стало бы предоставление самим гражданам права определять размеры и форму жилья, что означало бы переход строительства на коммерческую основу.

[80]

⁵⁴ Напоминающего, с точки зрения психиатрии, индуцированный бред, возникающий при тесном контакте с психически больным человеком [28. С. 118].

Рост благосостояния и развитие приусадебного хозяйства как раз и давали такую лазейку людям, и Н.С.Хрущев также решительно ее перекрыл, ограничив размеры разрешенных строений и площадь под теплицами. Действительно, технократическое мышление, простое и прямолинейное, позволяло управлять обществом, но успех ограничивался уровнем развития техники и технологий, а также культурой и образованием населения. При достижении некоторых пороговых значений такое управление становится не функциональным и приводит к краху всей системы социальных и технологических отношений.

Возврат к технократическим методам управления обществом не может быть исключен. Наоборот, развитие Великой Триады постоянно подпитывает иллюзию политиков, что на новом этапе развития контроль над обществом возможен. И каждый раз кажется, что «теперь все получится». Но решение оказывается временным. Как уже говорилось, технократизм не способен трансформироваться.

Существовавшие во время Сталина – Брежнева способы слежки за отдельными гражданами ушли в прошлое, новые технические средства позволяют контролировать телефонные разговоры, электронную почту, а при необходимости и жилища граждан.

Быстрое решение проблем на основании технократических проектов не дает надежды на формирование саморазвивающейся технической реальности – т.е. взаимодействия общества и Великой Триады. Попытки стандартизировать или унифицировать производство приводят к возникновению монополий и замене конкуренции на административно-командное регулирование. Технократов это устраивает, потому что это создает условия для их существования. Еще Аристотель заметил, что всегда будет существовать разница между управлением рабами и обществом свободных граждан. Для технократа управление свободным обществом представляет неразрешимую задачу – граждане такого общества «не стандартизированы» и потому непредсказуемы в своем поведении, что неприемлемо для технократа. Он будет стремиться перестроить мир под свое понимание, свести реальное многооб-

разие мира к заданному стандарту и однозначному пониманию. Также поведение человека должно быть жестко регламентировано. Этот подход будет распространяться как на живую, так и на неживую природу.

Действительно, ни типизация, ни стандартизация, ни унификация не могут рассматриваться, как нечто негативное «само-по-себе». Только в соответствующем социальном контексте и интуитивно ощущаемой гипертрофии эти процессы могут быть обозначены, как «синдром технократизма» – некоторое пограничное состояние сознания.

Я склонен рассматривать эти примеры, как бессознательное стремление технократического мышления к математизации окружающей реальности. Его нужно отличать от сознательной работы архитектора, ученого-естественника, математика по созданию математических моделей реальности, используя метод унификации и стандартизации. В неподконтрольности сознанию еще один негативный и опасный недуг технократического мышления. В этом случае можно говорить об особом, вряд ли патологическом, но точно опасном состоянии сознания.

Проблема не в выборе системы единиц, а в ее абсолютизации, настойчивом применении несмотря ни на что и во что бы то ни стало. В конце концов, критике подвергается не сама попытка рационализации проектирования и строительства, а то «зверообразное рвение», с которым оно применяется⁵⁵. Отличие технократизма

[82]

⁵⁵ Не лишним будет указать на проявление подобной абсолютизации найденных решений. Речь идет о гигантизме. Только идеальное решение имеет право на свою гипертрофированное воплощение. Становится очевидным, что повсеместное распространение небоскребов обусловлено не только экономическим и политическими соображениями. В технократическом мышлении устанавливается тождество огромного и идеального, все большее является подтверждением истинности найденного решения. Подобные проявления любви к гигантизму прослеживаются от египетских пирамид до современных символов политического, финансового, производственного прогресса – небоскребов, гигантских заводов, мегаполисов.

от рационального мышления заключается в неспособности учитывать возникающие нюансы и проблемы. Оно направлено на принципиальное проведение своей позиции в жизнь, отбрасывая как несущественное все, не включенное в первоначальный проект. На практике это приводит к игнорированию жизни не только как эволюционирующей системы, но и вообще к игнорированию различий между живой и неживой природой. Какими бы словами не маскировалось технократическое мышление, его видно по отсутствию рефлексии, по «зверообразному рвению», по математической схеме, накладываемой на окружающий мир, по неразличению живого и мертвого. Еще одним критерием, служащим для различения технократического мышления от рационального, становится требование тотального уничтожения старого и замена на принципиально новое. *«Как для теоретиков, так и для практиков будущий город был «пространством во плоти», символом и памятником свободы, завоеванной Разумом в долгой борьбе не на жизнь, а насмерть против неуправляемой, иррациональной случайности исторического процесса. Подобно тому, как обещанная революцией свобода призвана была «очистить» историческое время, утописты мечтали о пространстве, «неоскверненном историей». В соответствии с этим жестким условием все существующие города выбывали из конкурса и обрекались на уничтожение»* [7. С. 58-59]. Но уничтожение городов, не соответствующих требованиям, – это одна сторона медали, есть еще и другая, не менее деструктивная. Не только пространство было «испачкано» историей, но и люди также не отвечали технократическим утопиям и требованиям. А это уже серьезно! Цитируемый выше диалог Ле Корбюзье с министром закончился требованием: *«Я позволю только заметить, – говорит архитектор, – что, взяв на себя эту ответственность, я поставлю задачу и перед властями: они должны будут обеспечить социальный контингент, способный заселить наш комплекс ...»* [49. С. 192] (выделено мной – А.М.).

Архитектурные эксперименты дорого стоят, но без них не обойтись. Все строения не могут быть архитектурными шедеврами. Но странно, что архитектор оговаривает с властями

условия заселения. Представьте, что архитектор пенещиарного заведения упрасивает администрацию «заселить» его строение именно преступниками, а не престарелыми. Изначальный заказ уже предполагает определенный «социальный контингент», что не мешает в дальнейшем перепрофилировать здание с возникающими в результате проблемами. Но в них нельзя упрекать архитектора, который строил здание под определенный заказ. Удивительно, что Ле Корбюзье не только предъявил такое условие и возвел его в ранг ультиматума властям, но и упомянул о нем в своей книге. Кто вспомнил бы об этом, спустя десять, двадцать и более лет? Но архитектор решил подогнать людей под потребности здания, а не построить здание под потребности людей. Ему нужно было застраховать себя от критики. Так потребность города в дешевом жилье увязывалась архитектором с особым «социальным контингентом», который должен был населить «Жилую единицу» в Марселе.

Ле Корбюзье отдает себе отчет в том, что среднестатистический марселец не может жить в таком доме. Если бы в будущем возникло недовольство его «изысками», то Ле Корбюзье мог бы переложить ответственность на власти, не обеспечившие необходимое качество жителей, адекватных качеству «машины для жилья»⁵⁶. Здесь также проявляется наложение матрицы на реальность. Наличный проект накладывается на реальных людей, и все, не соответствующие качества проекту, отбрасываются: «Люди должны соответствовать проекту!». Действительно, человеческий фактор – ключ к решению любого вопроса!

В целом геометризация городской планировки выступает у Ле Корбюзье, как достаточное условие, разрешающее *все* городские проблемы. Но не надо забывать, что *«Геометрический порядок – это лишь одно из возможных средств для оформления»*

[84]

⁵⁶ Здесь проявляется ценность безответственности, – перекладывание любых ошибок на объективные факторы, например, плохой социальный контингент, заселивший «Жилую единицу».

города и только средство, но никак не самоцель» [16. С. 157]. Вот этого технократическое мышление не может принять: *«То, что хорошо функционирует, также хорошо выглядит»* [91. С. 70].

Для технократического мышления традиционно рассогласование проекта и реальности. Реальность подстраивается под проект, а все выступающее отрезается, недостающее вытягивается по Прокрусту. Размышляя о планировке сельской селитбы, Ле Корбюзье предлагает поместить заправочную, а вместе с ней и автомастерскую не на перекрестке большой трассы и дороги из деревни, а внутри поселения. Объясняя свой поступок, архитектор говорит о практической пользе заправки и мастерской, предназначенных для жителей деревни [49. С. 131-132]. Сознательно отрицая экономическую реальность, Ле Корбюзье повторяет размышления Н.Макиавелли о расположении рва внутри крепости. Выступающий в данном случае, как «теоретик фортификации», Н.Макиавелли предлагал копать ров не с внешней стороны крепостных стен, а с внутренней, аргументируя это настолько же «рационально», как и Ле Корбюзье. Историческая переключка длиной в триста лет не случайна: технократизм – устойчивый тип мышления [68. С. 263-264].

Модели идеальных архитектурных пространств, соответствующих идеальным же моделям общественного устройства предлагались Платоном, Т.Кампанеллой и Т.Мором. Изобразительные планы архитектуры идеального города, от «Вида идеального города», приписываемого П. делла Франческа⁵⁷, до проекта «Вуазен» Ле Корбюзье, изображали город, в котором, место человека было определено как подчиненное общему архитектурному замыслу, который также подчинял географию и биологию. Наглядное представление дает работа П. делла Франческа, в которой присутствие человека лишь слегка угадывается по единичным цветочным горшкам в окнах зданий. Бросается в

⁵⁷ Другие предполагаемые авторы: Лучано Лауран или неизвестный художник XV в. (Национальная галерея делле Марке в Урбино).

глаза полное отсутствие людей, деревьев и животных. Создается впечатление, что на его картине идеальный город – это мертвый город, лишенный человеческого присутствия. Конечно, каждый идеал формируется, как противопоставление реальности, которую для любого реального средневекового города можно описать только в терминах антисанитарии. Но как бы то ни было, предлагаемый идеал не допускает того, что пользоваться плодами его реализации будут обыкновенные люди, современники автора проекта. Идеальному городу необходимы идеальные горожане, за отсутствием которых, кажется, лучше обойтись вообще без жителей. Ле Корбюзье, его постройкам, а также и технократам всех видоразмеров всегда будет не хватать «идеальных» жителей для воплощения утопий в жизнь.

Идеальный город Ле Корбюзье (проект «Вуазен» для Парижа) – это архитектурное однообразие. Расположенные в центре города типовые небоскребы придают искусственной среде законченный математический порядок. Хотя в городе присутствуют зеленые насаждения, но они лишь скрывают истинный машинообразный порядок. Вся жизнь человека и его деятельность полностью подчинены искусственной среде. Проект «Вуазен» – не более чем машина для жизнедеятельности, гипертрофированное воплощение любимой идеи архитектора «дома – машины для жилья». Проект никогда не был реализован, но есть два города, в которых идеи Ле Корбюзье обрели материальное воплощение. Первый, – город, созданный в Бразилии Л.Коста и О.Немейером при консультации и идейном вдохновении Ле Корбюзье – новая столица Бразилиа. В этом городе психологическое давление городской среды на людей привело к возникновению особого недовольства ею [7. С. 65-72]. Воплощенная в бетоне математическая закономерность не оставляет места для простого человека. Попытка создания сбалансированного города, воплощенного равноправия и достатка мира разбилась о социальные проблемы неравенства. Для обслуживания Бразилиа потребовались городские районы-спутники, в которых стихийно сформировались условия жизни хуже, чем в трущобах других городов. Сам город

поражающе несообразен человеку, ни своими огромными пространствами, ни своим архитектурным однообразием [32. 32-33]. Вторым городом планировал непосредственно сам Ле Корбюзье. Индийский город Чандигарх – столица штата Пенджаб – был спроектирован им с полным пренебрежением к конкретным географическим условиям и национальной культуре местных жителей [32. С. 26 – 29]. Расположенные далеко друг от друга правительственные здания в условиях жаркого климата делают перемещение между ними затруднительным. Весь город, спроектированный на бумаге, но лежащий на раскаленной равнине, должен был быть компактнее. Игнорирование реальных особенностей климата заметно не только на уровне планировки города, но и на уровне отдельных зданий. Любимая Ле Корбюзье необработанная поверхность бетона в условиях высокой влажности покрывается плесенью и разрушается [32. С. 213-214]. Таким образом, противоречие между декларируемыми требованиями и реализованными проблемами не случайно, оно вызвано серьезными внутренними причинами, скрытыми от самого Ле Корбюзье и других технократов, вытесненными в подсознание. Для технократов человек не представляет никакой ценности, он лишний элемент, мешающий им реализовать все совершенство своих планов, разрушающий и портящий все, к чему может прикоснуться. Вся причина краха технократических утопий в человеке, несоответствующем потребностям и представлениям технократов.

Переход от функционального жилья к функциональному городу неминуемо требует особого общества, в котором вся деятельность людей подчинена выполнению строго определенных социальных и биологических функций. Единственное затруднение состоит в получении функционального человека. Одним из способов, приводящих людей в состояние придатков машины, было бы создание максимально «специализированного» образования. Эта идея получила свое воплощение в Советском союзе. Л.Грэхэм, размышляя над этим, писал, что *«студенты инженерных вузов Советского Союза получали худосочное и узкое обра-*

зование: оно отличалось интеллектуальной бедностью, политической тенденциозностью, социальной неосведомленностью и этической ущербностью» [21. С. 113-114, 117]. В этом случае зависимость работодателя от работника минимальна, а замена одного сотрудника другим аналогична замене вышедшей из строя детали; эти особенности сохранились и в постсоветской системе образования. В свою очередь, замечу, что, соглашаясь с данной характеристикой инженерного образования, можно добавить, что в отдельных случаях система давала сбой и вопреки всему появлялись инженеры с противоположными характеристиками. Однако в подавляющем большинстве случаев их активность уходила на борьбу с системой, в которой они могли одержать только «моральную» победу.

Технократ испытывает тоску по «настоящему человеку»: «Человеческий материал необходимо обработать и обогатить, дабы превратить из полуфабрикатов в полноценные человеческие особи с качествами, необходимыми обществу. Индивидуальные особенности должны быть нивелированы, а индивидуумы должны быть функционально заменяемы в пределах их профессиональных обязанностей. Отсюда следует унификация образования, которое должно быть полностью ориентировано на формирование у будущего специалиста необходимых навыков и знаний, востребованных в данной специальности. Общество, состоящее из подобного рода специалистов, будет максимально функционально, для его проживания потребуется функциональное жилище и функциональный город». Практика показывает, что мир «немножко, но принципиально» отличается от предложенной модели, и у технократа наступает горькое разочарование. Правда, тоске и унынию технократ долго предаваться не будет и дополнит свой проект следующим пассажем: «Идеальное общество возможно только при наличии идеального человека».

Для рационального решения стоящих перед человечеством глобальных (и локальных) проблем технократу необходимы: принципиально новый человек [83. С. 149-150] (например, изменивший свою биологическую сущность⁵⁸), новая этика (обычно называемая «экологической»), новая территория, «зачищенная» от любого проявления «варварского», природного или антропогенного происхождения (проекты реконструкции, требующие уничтожения исторического центра Москвы или Парижа Ле Корбюзье, стерилизация Земли К.Э.Циолковского, «Сверхчеловек» Ф.Ницше и т.д.).

При этом вся проблема сводится к решению одной задачи, которая выбирается в соответствии с предпочтениями технократа. Он искренне считает, что найденное им решение предопределяет решение всей проблемы. Подобный подход предполагает игнорирование внешних условий; в строительстве это особенно заметно: любое строительство начинается с «зачистки» территории (ликвидируются строения, вырубается деревья). Подобный подход часто критикуется, и появляются «экологические» варианты, включающие сохранение деревьев «ценных пород», рекультивацию территории. Но то, что красиво выглядит на бумаге, не соответствует действительности. Уничтожение «малоценных» пород деревьев и кустарников приводит к деградации местности, а разрушенный ландшафт негативно влияет на людей. Последнее явление особенно заметно в

⁵⁸ Тарантул В.З. постулирует, ни много ни мало, «закон эволюции», требующий «сознательного роста, преобразования своей собственной природы» [90. С. 308-309]. Там же приводится фрагмент интервью акад. Свердлова Е.Д., прогнозирующего модификацию характера человека путем геномной терапии [90. С. 241]. Таким образом, генетическая модификация человека уже озвучивается учеными биологами, причем не как возможность лечения, а как ПОТРЕБНОСТЬ для дальнейшего развития цивилизации [86. С. 31-35]. Технократизм в этом случае проявляется, как обязательная реализация технически возможного. «Н.Федоров, подобно Плотину стыдился своего тела. Это один из мотивов отказа от «грязного», греховного рождения детей и замены его технически чистым воскрешением отцов» – [45. С. 54].

сельской местности, там, где предпринимались попытки зачистить «убогую сельскую

[89]

жизнь» и возвести местных жителей в ранг городскоподобных сельхозрабочих. Воздвигнутые на месте усадебных участков пятиэтажки настолько нарушили привычный уклад жизни, настолько разрушили среду обитания человека, его устоявшийся веками эволюционирующий симбиоз с природой, что в новых условиях человек оказался не способен к восстановлению привычных социальных отношений. Все без исключения строения такого типа окружены необустроенной территорией. Несмотря на прошедшие десятилетия, вокруг этих домов не появились ни газоны, ни грядки, ни садовые деревья – окружающая территория сохраняет следы изначальной строительной разрухи.

В исключительных случаях, появляется возможность проектировать на новом месте, лишенном какой бы то ни было архитектурной, социальной или иной предыстории. Таковы новые города Чандигарх (Индия) и Бразилиа (Бразилия). Распланированный человекомерный город является *«безупречно структурированным пространством для идеальных **воображаемых** (выд. мной – А.М.) жителей, отождествляющих счастье с беспроблемной жизнью, поскольку в ней отсутствуют неоднозначные ситуации, нет необходимости делать выбор, не существует риска и шанса на приключение. Для всех остальных (за исключением политических функционеров и государственных служащих – А.М.), город оказался пространством, лишенным подлинной человечности – всего, что наполняет жизнь смыслом и ради чего стоит жить»* [7. С. 67].

Мертворожденное бытие – закономерный результат технократического подхода к решению проблем, но как тогда быть с разнообразными инженерными и естественнонаучными проектами? Попытки претворить в жизнь инженерные проекты, лишенные учета разнообразных свойств человека, должны уходить в прошлое. В области проектирования человек – неотъемлемый фактор, такой же, как и те цели, ради которых осуществляется проект. В конце концов, любое инженерное решение направлено на удовлетворение человеческих потребностей, и сам источник, и потребитель этих интенций должны быть включены в него, как составные элементы.

Серьезная проблема такого рода учета человека возникает тогда, когда пытаются дать абстрактный образ человека и его потребностей. Действительно, ни один проектировщик и, в частности, архитектор не сможет учесть всех разнообразных действий, которые может совершить реальный человек. Одному нужен свет, другой предпочитает темноту, а третий сносит несущую стену без согласования, потому что ему нужно большое пространство. Всегда в проектной деятельности будет использоваться некоторое интуитивно ощущаемое или рационально сформулированное представление о человеке, обществе, пространстве, времени, деятельности и т.д. Но любое «окончательное» определение «человека», «человекомерности», «гуманизма», «экологичности» и др., возведенное в догму, даст такой же результат, как и у Ле Корбюзье. И проблема вовсе не в том, чтобы учитывать все потребности, это невозможно, а в том, чтобы учитывать их лучшим образом.

Ле Корбюзье, не имея архитектурного образования, смог предложить решения актуальных проблем, нарушив интуитивно ощущаемые и передаваемые от учителя к ученику традиционные требования учета человеческих потребностей. До Ле Корбюзье эти правила находились в виде личностного знания, не зафиксированного в качестве некоторых осознанных и рационально сформулированных требований. Именно нарушение этих правил и привело его к длительному периоду бумажной архитектуры, породило конфликты и отвержение проектов. А те проекты, которые были реализованы – к нечеловеческим, хотя и человекомерным условиям проживания.

Всегда были, есть и будут люди, мыслящие технократическими категориями. Их поступки влияют на развитие общества, Их ошибки показывают пределы определенных видов деятельности, заставляют лучше понять ограниченность человеческого разума. С технократизмом следует бороться, но не путем огульного отрицания, а путем ограничения в практической реализации. Собственно, все осуществленные проекты Ле Корбюзье – это следствие победы технократизма над реализмом, консерватизмом

и «здравым смыслом»⁵⁹. И очень хорошо, что Ле Корбюзье смог осуществить отдельные архитектурные проекты. Еще лучше то, что Ле Корбюзье не дали осуществить планы градостроительных реконструкций.

В планах Ле Корбюзье⁶⁰ Москва не реконструировалась, а уничтожалась⁶¹. Даже по меркам советских строителей, не относящихся в целом к столице как уникальному архитектурному пространству, проект французского архитектора был ужасен. Главный архитектор Архитектурно-планировочного управления В.Н.Семенов дал такую оценку проекта: *«Для Москвы необходимо ее переустройство, конечно, не постройка нового города, не уничтожение Москвы, а ее реконструкция... В этом отношении проект Корбюзье, который сносит всю Москву, не приемлем ...»*

[92]

⁵⁹ Никто не знает, что это такое. Только технократическое мышление способно потребовать точной формулировки подобного понятия и удовлетвориться им. На интуитивном, бытовом уровне понятие «здорового смысла» допускает широкий диапазон применимости.

⁶⁰ Аналогичные требования предлагали и другие архитекторы – Э.Мэй, например.

⁶¹ «Церковь Ивана Грозного (Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на рву (Храм Василия Блаженного) – А.М.) в конце Красной площади составляет сейчас целое откровение в области искусства, истории и философии. Эта церковь сама по себе имеет большую ценность...

Что касается обширных зданий, возвышающихся против мавзолея Ленина, по той стороне Красной площади, то они не представляют никакой, ни исторической, ни архитектурной, ни даже практической ценности. [...].

Музей на той же Красной площади, находящийся против церкви Ивана Грозного, не заслуживает, чтобы его сохранили; [...]. Большой театр – произведение зодчества, которое следует сохранить точно так же, как и некоторые московские церкви, а равно монастыри в окрестностях Москвы, [...].» [54. С. 203].

*Для реконструкции нужны решительные меры, нужна хирургия*⁶². Но, – резко формулирует Владимир Николаевич, – *когда нужен хирург, не приглашают палача*» [9. С. 94]. И это писал советский архитектор⁶³, в планах которого при реконструкции Красной площади также сносились здания на Красной площади и в Зарядье [9. С. 100-101]. (Интересно, в каких, иногда неожиданных, аспектах обнаруживается различие между архитектурными хирургами и архитектурными палачами. В защиту Ле Корбюзье, В.Н.Семенова и других авторов можно сказать, что это сейчас Верхние, Средние и Нижние торговые ряды воспринимаются, как неотъемлемый фрагмент Красной площади, но в 30-гг. это было не так. Эти здания еще не могли быть оценены, как памятники архитектуры, так как с момента их постройки прошло совсем немного времени.)

Ле Корбюзье – это неисчерпаемый источник примеров технократического маразма. Для г.Алжира архитектор замыслил дом-виадук, извивающийся между холмами через весь город, по крыше которого должно быть проложено шоссе [31. С. 227]! Ле Корбюзье не учел шумовое воздействие автомобиля на всех жителей такого дома, загрязнение окружающей среды, необходимости капитального ремонта здания, последствий дорожных аварий на крыше и другие факторы. Как хорошо, что этот проект остался на бумаге!

[93]

⁶² Это прямое цитирование Ле Корбюзье, использующего слово «хирургия» для обозначения действий градостроителя, занятого перепланировкой исторически сложившейся городской структуры [52. С. 145-156].

⁶³ И другие проекты отечественных архитекторов предполагали снос старой Москвы. Реализованный проект реконструкции Москвы, а так же современная градостроительная политика рассматривает снос исторического центра, как допустимое условие развития города. Опять возникает вопрос о степенях допустимого, и провести здесь жесткую границу между рационально необходимым и технократически возможным нельзя.

Великий французский архитектор Ле Корбюзье – яркий представитель типичного технократического мышления. Он – редуционист, сводящий сложную систему к простому набору отдельных элементов, выбранных как значимые для решения данной проблемы. Опасность технократического мышления не в попытке унификации, а в бессознательном игнорировании других сторон бытия, которые в иных ситуациях оказываются более важными, чем первоначально выбранные. Ле Корбюзье, как и все технократы, считал, что для решения сложной задачи следует разбить ее на ряд подзадач, выбрать из них ключевые и, решив их, разрешить все трудности основной проблемы в целом. Классический, предложенный еще Р.Декартом, метод предполагает последовательное решение всех подзадач. Рациональнее мышление в своем классическом варианте, предполагая, что разбиение на части и последующая сборка даст однозначное решение первоначальной задачи. В дальнейшем эти представления подверглись критике, так как сложные системные объекты при разбиении утрачивают часть своих характеристик, а система в целом оказывается гораздо сложнее составляющих ее элементов. Но в подходе Ле Корбюзье в очередной раз проявилось отличие технократизма от рационализма – абсолютизация найденного решение, некритичное отношение к собственной деятельности.

Нельзя не признать, что у технократов, в том числе и у Ле Корбюзье, были и значительные успехи. Именно технократам В.Гропиусом, Ле Корбюзье, Э.Мэйем были осознана актуальность решения задачи массовой застройки при помощи унификации строительных конструкций и строительства из них разнообразных жилищ. С рациональной точки зрения решение этой отдельной задачи невозможно распространить на всю архитектуру в целом. С технократической точки зрения именно это и следовало реализовать на практике, таковы технократические решения по созданию: при И.В.Сталине типового проекта театра на 500 и 700 (арх. Г.Гольц), 1000 (арх. А.Власов), 1200 (арх. А.Буров) мест [4. С. 139-144], при Н.С.Хрущеве – создание

«типового универмага большой площади» [73. С. 420]. Таким же духом технократизма пронизана идея реализации модели управления СССР как «страны – единого завода» [65. С. 58, 212 – 214].

Критика технократического подхода Ле Корбюзье к дому как к машине для жилья встречала сопротивление среди выдающихся архитекторов. Ф.Л.Райт писал: *«Помните всегда, что дом – это машина для жилья, но архитектура начинается там, где исчерпывается это определение дома»* [80. С. 191]. В Советском Союзе, понесшем колоссальные потери жилищного фонда в период Великой отечественной войны 1941-1945 гг., эту задачу решал Н.С.Хрущев. Иного решения наверно и не могло существовать в то время, но, к сожалению, решение, пригодное для данного случая, было продолжено и при Л.И.Брежнев. Вырваться из рамок первоначального технократического решения оказалось невозможным на протяжении всего остального периода советской истории.

Граница, отделяющая рациональную деятельность от технократической, очень зыбка. Немецкий философ Г.Фоллмер дает образчик рационального мышления, противопоставленного, на мой взгляд, технократической утопии. Он пишет: *«Надо быть идиотом, чтобы требовать от людей сконструировать вечный двигатель, устранить Луну из поля зрения или обратить время вспять. Точно так же бессмысленно выдвигать нормы, которые в силу теоретико-познавательных фактов не могли быть выполнены»*.

Никто не должен требовать от нас развивать четырехмерное восприятие, воспринимать радиоволны или магнитные поля, общаться телепатически, сконструировать идеальный познавательный аппарат, доказать объективность познания, вывести какой-нибудь закон, найти нормы в эволюции, получать познание, не используя при этом органы чувств, и память. Бессмысленность этих требований раскрывается эволюционной теорией познания» [92. С. 59]. Но история развития человеческой мысли изобилует именно такими требованиями. Сегодня технократически

мыслящие ученые и политики планируют решить ВСЕ проблемы человечества путем получения управляемого термоядерного синтеза. Для такого мышления «... стиль был составлен из одного мощного чувства целесообразности, без всяких примесей смешных украшений, и был ясен до самого горизонта, как освещенное простое пространство, уходящее в бесконечность времени и мира» [76. С. 74-75]. Причем технократ видит исключительно пользу и благо своей деятельности, но игнорирует любые недостатки предлагаемых им решений; он не в состоянии оценить негативные последствия.

Одним из таких ясных решений проблемы Ле Корбюзье считал собственные градостроительные и архитектурные проекты, естественно, лишённые в его глазах каких бы то ни было недостатков. Все творчество великого технократа можно разделить на две неравные части. Первая часть – это построенные здания и города, а вторая – проекты, оставшиеся на бумаге. Когда при помощи технократического мышления решаются отдельные задачи, то они могут быть воплощены на практике с теми или иными недостатками. Но осуществлять масштабный градостроительный проект, основанный на тиражировании решения, приемлемого для отдельной задачи, чрезвычайно опасно. Именно с этим и столкнулся Ле Корбюзье. Неудачи, связанные с неприятием его отдельных проектов, легко объясняются им в автобиографии косностью и предвзятостью мышления его противников [55], но причины отвержения его градостроительных проектов совсем иные. Архитектор Ф.А.Новиков пишет, не имея ввиду Ле Корбюзье: *«Я всегда говорил, что сто ошибок ста различных архитекторов лучше, чем сто раз повторенная ошибка одного из нас»* [73. С. 420]. На то, что проекты Ле Корбюзье и их обоснования грешат ошибками, указывали уже его современники. Так в проекте «Буазен» Ле Корбюзье утверждает, что строительство офисных небоскребов в центре Парижа при сносе существующей жилой застройки позволит увеличить плотность населения. *«Но при ближайшем рассмотрении получается, что он сравнивает несоизмеримые величины: жилую населенность большого города с плотностью*

рабочих мест деловых зданий» [16. С. 156]. И эти ошибки не случайны. Рассогласование теории и практики является очередной «фрейдистской» оговоркой, открывающей истинное предпочтение французского архитектора. Причина такой ошибки лежит в бессознательном отождествлении человека с его профессиональной деятельностью. Для французского архитектора человек есть функция, лишенная самостоятельности и подчиненная целесообразности. Источником патерналистского отношения к человеку является архитектор, заранее все рассмотревший и все предсказавший. Человеку остается только быть безгранично счастливым в предложенных ему условиях существования.

Особенностью творчества Ле Корбюзье является неосознанное противоречие между декларируемой свободой творчества: *«В принципе я против любых модулей, если они сковывают творческое воображение ... я отрицаю канон ... пластические образы не подчиняются школярским или академическим пропорциям»*, – и технократическим стремлением свести весь архитектурный процесс к манипуляции с набором величин, задаваемым Модулом: *«Огромное удовольствие составила возможность воспользоваться в работе всем богатством сочетаний, предоставляемых Модулом» [цит. по: 94. С. 13].* Сложное и многозначное сочетание разнообразных пропорций Ле Корбюзье заменяет однозначной системой. Неуклонное следование предлагаемыми ею размерами приводит технократическое мышление к неверным решениям, отстаиваемым с завидным упорством.

Технократическое мышление всегда выделяет всего одну проблему, пренебрегая комплексным рассмотрением ситуации. Уже в XX в. количество объектов, допускающих для своей трансформации подобные упрощения, резко сократилось, и, наоборот, выросло число объектов, для адекватного представления которых необходим интегральный подход на основании междисциплинарных исследований. Только в этом случае количество ошибок, возникающих на стадии проектирования, можно будет снизить, а их последствия минимизировать. *«Показателен конкурс идей планировки Москвы (1932). Каждый из предложенных проектов*

ориентирован на какую-то одну проблему, избранную приоритетной. И все игнорировали сложившийся город (подчеркнуто мной – А.М.), с его сооружениями, инфраструктурой, его историей и его символами» [31. С. 337].

Совершенно по-другому решает эту проблему технократ. Проектированию с учетом будущего подчинено все – таков Генеральный план реконструкции Москвы [32. С. 34-37]. В масштабах города это выглядит следующим образом: вся деятельность людей подчиняется плану проектировщика. В одной зоне люди будут заниматься бизнесом, в другой – жить, в третьей – отдыхать, в четвертой – осуществлять производство и т.д. «Дом – это машина для жилья». В таком доме «будут храниться люди от невзгоды и бросать крошки из окон живущим снаружи птицам» [76. С. 95]. Жизнь будет располагаться **вне** стен этого дома в полном соответствии с тем, как это понимал великий русский писатель А.Платонов: «Активист еще давно пустил устную директиву о соблюдении санитарности в народной жизни, для чего люди должны все время находиться на улице, а не задыхаться в семейных избах» [76. С. 141]. В данном случае платоновский активист заставит людей подчиниться. Но процесс может быть полностью механизирован, превращен в технологичное подчинение людей «машине для жилья». Для этого необходимо создать такие условия быта и спроектировать жилище так, чтобы не оставить ни малейшей возможности человеку самому распоряжаться своим временем и пространством своего дома. Архитектор в этом случае выполняет заботливую патерналистскую функцию всезнающего божества. Чтобы люди выполняли функции отдыха и здоровья и были готовы выполнить производственную функцию, Ле Корбюзье написал следующие возвышенные строки: «Я даже указал в своих комментариях на необходимость контроля за отдыхом (хотя бы в один выходной из трех: каждые пятнадцать дней). Он должен напоминать обычный производственный контроль; он может, например, выражаться в проверке выполнения предписания врачей зеленого города, рекомендовавших своим пациентам индивидуальные занятия тем или иным видом спорта. Зеленый

город становится похожим на ремонтное депо, в которых проверяют и чинят машины (производят смазку, осмотр и подгонку частей, общий ремонт). А кроме того – непосредственное общение с природой (солнечная весна, зимние метели), которое располагает к раздумьям и самоанализу» [49. С. 110]. В этом фрагменте уже не дом становится «машиной для жилья» – сам человека превращался в машину для осуществления жизни-для-производства. Вся жизнедеятельность человека должна быть жестко регламентирована, полностью управляема и контролируема. Для осуществления этого проекта необходимо не только наладить политический и производственный контроль за человеком, но также и создать городскую среду, в которой природа, архитектура и человек будут существовать, как производственный процесс. В дальнейшем, проектируя «Марсельскую жилую единицу», Ле Корбюзье делает все, чтобы не только дом стал «машиной для жилья», но и человек подстроился под потребности дома. На всех уровнях, от города, отдельного дома, жилого помещения и до вечной мебели из металлических трубок, человек оказывался в неизменном, однозначно заданном окружении. Любая попытка изменить эту ситуацию должна была быть обречена на провал. Между человеком, помещением, мебелью, а в случае реализации градостроительного проекта, и городом устанавливалось четкое функциональное отношение. Человек и окружение становились смертельно однообразными, безжизненно функциональными. Исходя из лучших побуждений, функционализм оказался наиболее враждебен человеку. Л.Маркс писал: «функциональный стиль архитектуры ожидал много особенностей того, что, вероятно, является наиболее существенной фантазией технократического рая: популярный мираж научно-фантастической жизни на космическом корабле, далеком от Земли, где рециркуляция устраняет всю зависимость от органических процессов и где отдельная окружающая среда находится полностью под человеческим контролем» [110. Р. 252]. В условиях Земли технократизм стремится лишить человека блага общения с природой, даря ему взамен лишь иллюзию. Красота природы, отдых, здоровье, счастье, любовь – вся жизнь как

по мановению палочки превращается в механическую функцию: эстетическую, рекреационную, сексуальную, общефункциональную. Жизнь во всем ее многообразии приобретает законченный математический вид.

Отголоски такого подхода можно заметить во многих городах. Проектировщики заранее решили, как должны двигаться горожане, и поэтому все дорожки заранее распланированы (обычно как прямоугольные перекрестки). Геометрический порядок воспринимается ими, как эстетически приемлемый и функционально оправданный. Такая геометрия, по их мнению, должна поддерживаться городскими службами в дальнейшем. Результатом становится знакомое всем явление – люди все равно ходят там, где им удобно, а протоптанные тропинки ежегодно вскапываются и засеваются травой. Городские службы в технократической надежде пытаются дрессировать жителей, и в результате многолетних усилий приходят к выводу, что идеальный город – это город, лишенный жителей. Существуют и другие проблемы, связанные с принципиальными ошибками зонной организации городского пространства. Избыточное планирование приводит к негативным результатам. Сегодня мы можем смело причислить такой подход к проявлениям технократизма, но как убедить чиновников в том, что такой подход неверен? Вероятно, сделать это не представляется возможным, не прибегая к контролю со стороны заинтересованных общественных объединений.

7. Современные технологии, технократизм и проблемы образования.

В современном мире (постиндустриальном, информационном, техногенном и т.д.) сформировались новые ценности, не имеющие аналогов в прошлом, но активно влияющие на настоящее и предопределяющие будущее. Формирующееся постиндустриальное общество как «good society» – «хорошее общество», или как общество, стремящееся к соблюдению принципа «high tech – high touch» – «технический прогресс – душевный комфорт», должно решать новые этические проблемы технического прогресса [40. С. 12], [71. С. 18], [97] в экологических и человекомерных координатах.

Для России подобная постановка проблемы особенно актуальна. Происходящие глобальные изменения требуют от России либо выработать собственное решение современных этических проблем, либо позаимствовать его на Западе. Ведущие в экономическом и политическом отношении страны предлагают «good society» как вектор для дальнейшего развития. Замечу, что «good society» – только один из неотъемлемых элементов нового экономического порядка. Помимо улучшения социальной и экономической ситуации, стратегия «good society» имеет и еще одно важное следствие. Благоприятная социальная среда способствует «перекатке мозгов» из развивающихся стран. К сожалению, в России этому факту уделяется недостаточно внимания. Социальные условия способствуют развитию науки и производства не меньше, а может, и больше, чем прямые инвестиции.

Необходимо понимать, что развитие науки, техники и используемых технологий будет приносить необходимый для страны экономический эффект только при адекватных социальных и культурных условиях. И если социокультурные условия не благоприятствуют

развитию всех элементов Великой Триады, то она существует, как прихоть государственных вельмож, с их помощью или их попустительством. В свою очередь, воздействие науки, техники и технологий на общество и культуру будет минимальным при низком социальном статусе ученых и максимальным в противоположном случае. Надежда на то, что развитие науки позволит преодолеть экономическое отставание России – не более чем технократическая иллюзия. Науки для этого недостаточно, необходимо, чтобы научные достижения внедрялись в производство, а это достигается не Правительственными постановлениями и решениями партии (наглядный пример – история науки и экономики СССР), а созданием условий, при которых без науки, воплощенной в технике и технологиях, происходит банкротство. Только в постоянной экономически обусловленной потребности бизнеса в научном знании и его материальном и социальном воплощении может органически развиваться Великая Триада.

Решать проблему развития отечественной науки невозможно только за счет прямых инвестиций. Только изменение социальной и культурной среды приведет к развитию науки, техники и технологий. «Американская» наука создается умами всего человечества, в России же наука питается от собственной системы образования и Богом данных талантов. Рассчитывать на то, что американский опыт по «перекачке мозгов» будет действовать и в нашем отечестве, по меньшей мере недальновидно. Ученые со всего мира к нам не поедут. Но надо создать такие социальные условия, чтобы к нам ехали лучшие умы из стран ближнего и дальнего зарубежья, не востребованные у себя на родине. «Утечку мозгов» из России можно только частично компенсировать за счет образованной эмиграции и то при условии что она получила у себя на родине сопоставимое с российским образование. Но это станет возможным не тогда, когда будет достигнута высокая зарплата, а, когда ученый, выбирая Россию страной для научного творчества, помимо зарплаты будет получать и социальные условия жизни, превосходящие те, что бытуют на его родине.

Другой стороной, показывающей взаимосвязь Великой Триады с обществом, несомненно является высшее образование. Поддержка, в том числе и государством, обучения иностранных специали-

стов в отечественных вузах – необходимое условие общего развития науки и экономики России. Образование иностранных специалистов – не просто помощь, оказываемая государством. Это долгосрочные инвестиции в отечественную экономику. Специалист, получивший образование в России, обучен работе на отечественном оборудовании⁶⁴, следовательно, заняв руководящий пост у себя на родине, он скорее всего будет закупать то оборудование, к которому привык, будет следить за научной и технической информацией на том языке, на котором проходило обучение. Наконец, при наличии уникальных способностей, он может надеяться на получения права на работу в стране, где прошли его студенческие годы. Вот для чего необходимо инвестировать деньги в иностранных специалистов. Как далека отечественная практика от всего этого! Преследование экстремистами студентов-иностранцев подрывает не только внутреннюю безопасность нашей страны, но и наносит долгосрочный вред всему развитию экономики.

Совершенно иная ситуация наблюдается в экономически развитых странах. Там возникает эффект положительной обратной связи. Новые технологии позволяют обществу реализовывать все более сложные политические, социальные, культурные, научные, технологические и производственные проекты. В свою очередь, общество, изменяющееся под воздействием технологий, способно эффективно использовать существующие технологии как для дальнейшего научного, технического и технологического прогресса, так и для повышения качества жизни, которое, в свою очередь, делает экономически оправданным разработку и внедрение новых технологий.

Сравнивая проблему современной модернизации России и его аналог советского времени, отраженный в лозунге: «Догнать и перегнать Америку», – легко заметить принципиальное различие. В эпоху СССР заимствование технологий не шло парал-

[103]

⁶⁴ Рассмотрен вариант, при котором в России производится отечественная техника.

тельно с заимствованием социального уклада. В новейшей истории России (имеется ввиду последнее десятилетие ушедшего века) динамика общественных изменений шла опережающими темпами по сравнению с технологическим прогрессом. Теперь нет принципиальных запретов на трансформацию общества вслед за заимствованием новых технологий. Несмотря на это неразрывная взаимосвязь двух направлений модернизации: технологической и социальной, – еще недостаточно осознана как правящей элитой, так и обществом. Более того, элита стремится использовать западные технологии в социальной сфере для закрепления своего положения, а технологии в области производства практически навязываются нам западными инвесторами. С повсеместным внедрением новых технологий политический и социальный консерватизм, мешает извлекать выгоду из деятельности трудоспособного населения. Политический консерватизм обуславливает технологическое отставание, предлагая в качестве пути развития – продажу ресурсов и покупка постоянно устаревающих технологий⁶⁵. **Единственный путь, позволяющий стране иметь передовые технологии, – это создавать их самостоятельно⁶⁶.** Динамически развивающееся общество способствует научно-технологической эволюции, комплексно развивая науку, технику и технологии. По тому, как обществен-

[104]

⁶⁵ Свойство «постоянно устаревать» - свойство современных технологий, обусловленное постоянными инновациями научного знания в технологии. Двигателем этого процесса является конкуренция на рынке. Поэтому принципиально невозможно модернизировать Россию, необходима перманентная модернизация. К сожалению, это многими не понимается.

⁶⁶ Бездумное заимствование технологий приводит к росту зависимости от Запада. Не доступ к технологиям обеспечит развитие экономики. «Фундаментальная потребность развивающейся страны не технология по существу, но продолжающаяся технологическая революция» [113. Р. 193]. приходится констатировать, что эта мысль не находит пока понимания в России.

ные институты производят и потребляют информацию, можно судить и о том, перешло общество в стадию информационного или нет. *«Очевидно, что информация является необходимым ресурсом для выживания и развития социальных систем. При этом информационным можно считать такое общество, которое способно обеспечивать постоянный и оптимальный прирост количества информации для функционирования всех своих развивающихся подсистем, способное ее обработать и потребить»* (выд. автором – А.М.) [70. С. 216]. Рассматривая наше отечество с данных позиций, легко заметить, что появление компьютеров привело к неоптимальному росту информации и неспособности социальных, и в первую очередь, государственных, институтов ее обработать. Все это положительным образом сказалось на бюрократизации государственного аппарата и замедлении скорости принятия решений. Коррупция (в одном из своих аспектов) является следствием роста необрабатываемой в срок информации. А реальная ситуация принятие решений на основании незаконных финансовых потоков показывает, что их можно принимать и на основе меньшего объема информации.

Рассматривая Интернет как источник образовательной информации, можно утверждать, что произошло реформирование «логики обучения». Под этим З.Бауман понимает *«временную последовательность, в которой обрывки и фрагменты знания могут и должны быть предложены и усвоены»* [5. С. 164-165]. Негативная оценка такой ситуации возможна только как отражение низкого профессионального уровня преподавателей. Ничто не мешает преподавателю поддерживать свой профессиональный уровень при помощи тех же технологий, что и студент. Последний находится в более затруднительном положении, ибо вынужден получать информацию о разных учебных дисциплинах, а лектор только об одной и нескольких смежных. Реформа «логики обучения» также не представляет опасности, так как и раньше любознательный студент мог опережать учебный план. Другое дело, что Интернет позволяет получать преимущественно узкоспециализированное знание в ущерб классической университетской фунда-

ментальности. Но и эта проблема мне представляется достаточно надуманной: фундаментальное образование всегда было уделом избранной интеллектуальной элиты, а не массовым результатом высшего образования.

Решение проблемы «ограничения» вреда, причиняемого технократизмом, состоит в развитии гуманитарной составляющей начального, среднего и высшего образования, особенно естественнонаучного и технического. Эта задача не может быть решена только включением в программу определенных специализированных дисциплин, таких как «Концепции современного естествознания» (для гуманитарных специальностей), «Философия», «Социология», «Психология», «Экология» и других для естественнонаучных и технических специальностей. Удовлетворительные результаты могут быть достигнуты только при включении гуманитарных курсов на протяжении всего периода обучения. Мечта людей, пишущих на темы экологического образования, о получении специалиста с экологическим мышлением разбивается о технократическое мышление. Экологическим может быть только мировоззрение, а оно формируется на протяжении ряда лет и не может быть сведено к сдаче зачета или экзамена по соответствующей дисциплине.

Технократ, ухватившись за одно очевидное для всех решение (в данном случае, включение отдельных дисциплин в учебный процесс) отказывается идти дальше, ибо рассматривает человека (студента) как хранилище информации.

Устойчивое для технократически ориентированных экологов⁶⁷ представление о невозможности решить глобальные проблемы человечества при помощи традиционных (религиозных) этических моделей приводит к пропаганде новой экологической этики. Для технократического мышления такой подход традиционен – вы-

[106]

⁶⁷ Естественно, далеко не все пишущие на экологические темы проникнуты технократизмом. Речь идет об особой тенденции в решении экологических (и других) проблем на основе тотальной трансформации человечества.

брать один из факторов, абсолютизировать его и на его основе предложить решение. Обычно заменить существующее новым – технократически рациональным. Их позиция проста: для экологически модернизированной планеты человек должен исповедовать новую этику, при невыполнении этого условия нас ждет глобальный экологический коллапс. Но новая этика не может возникнуть и завербовать сторонников в условиях существующей конкуренции. Для «освобождения пространства» пропагандистам новой этике необходимо критиковать старую за неспособность решить современные проблемы. Особенно это касается религиозной этики, хотя выбор такого соперника немного странен. Религия – не самый опасный «враг» для экологии, куда страшнее деятельность транснациональных корпораций. Однако выбор объекта критики объясняется претензией экоэтики на роль новой экорелигии. В списке необходимых, с точки зрения технократа, тотальных замен для спасения от кризиса есть еще одна, пока не упоминавшаяся, – новая религия. Религиозной (ценностной) основой для противопоставляющей себя христианству (и, с разными оговорками, другим монотеистическим религиям) экоэтики является язычество, пантеизм и гилозоизм, используемые [12], как основа новой этики.

8. Технократизм и новая экологическая этика.

Технократизм находит различные способы для формирования этических представлений. На его основе возникает новая система ценностей, которую трудно понять, находясь вне рамок технократического мышления. В этой новой системе ценностей многое представляется непонятным для человека с иной системой ценностей. Поэтому я не могу согласиться с точкой зрения В.П.Зинченко, считающего: *«Для технократического мышления просто не существует категорий нравственности и совести; нет сознания ответственности и чувства вины»* [29]. Как раз наоборот – это такая нравственность (!), такая ценностная ориентация (!) и особая форма ответственности (!) – особая альтернативная молодая этика. В своих основах технократическая этика и мышление похожи на новую парадигму, как ее описывал в психологических терминах гештальта Т.С.Кун [44].

Интересными проявлениями технократического мышления считаю появившиеся как в английском, так и в русском вариантах «цифровые» сокращения в словах: b2b (business-to-business), 4 вместо «for» и так далее. «Русскоязычными» вариантами являются реклама аптеки **O₃** – «Посм**O₃**» (Посмотри), название группы «Pro100 Мария» (Просто Мария), замена буквы на цифру – «Да4а» (дача), «7я» (семья). Появление таких «языковых и фонетических игр» отражает определенную тенденцию, которую я связываю с попытками технократического мышления зафиксировать свое существование в языке.

Наряду с этими проявлениями технократизма существует и широко распространенная тенденция к «упрощению»⁶⁸ русского языка в сфере бизнеса и деловых отношений с последующим применением такого сленга в повседневной разговорной практике. Этот «руслиш – самозародившийся бизнес-язык» получает обоснование как средство, которое с точки зрения руководителей *«повышает результативность работы и взаимное понимание, а также сокращает сроки коммуникаций в работе»* [67].

Искажение языка есть следствие искажения сознания, что, в свою очередь, неминуемо ведет к установлению положительной обратной связи, т.е. к закреплению и усилению подобных тенденций в культуре⁶⁹.

Опасность технократизма заключается в способности противостоять живому, противопоставлять искусственное природному (в некоторых случаях не различать их), подчинять все своей власти, игнорировать биологические факторы или безудержно их эксплуатировать, но, в любом случае, подчинять и контролировать. Как в теоцентризме, так и в антропоцентризме есть место человеку, но в техноцентризме человек тождественен машине и является не особой частью мироздания, а фрагментом технологий, придатком технического устройства, неразличимым на фоне иных деталей, механизмов, процессов. Технократическое мышление порождает опасность самоуничтожения как самого носителя, так и объектов его деятельности, что проявляется в экологическом кризисе, охватившем живую и неживую природы, социосферу, а также психический мир человека.

[109]

⁶⁸ На стремление упростить язык, сделать его более технологичным впервые указал Ж.Эллюль [106. Рр. 49-50].

⁶⁹ Некоторые аспекты трансформации языка впервые рассмотрены в [25. С. 383 – 405].

Экологические проблемы не могут быть разрешены в рамках технократического мышления, определившего само возникновение этих проблем. Во-первых, потому, что мы никогда не будем знать всех факторов, влияющих на эти процессы, а, следовательно, никогда не сможем рассчитать последствия своих действий. Во-вторых, потому, что процессы, протекающие в био-, гео- и социосферах, подчиняются законам самоорганизации, которые не позволяют предсказать направление развития системы после прохождения кризисных точек (точек бифуркации). В-третьих, воздействие на такие сложные самоорганизующиеся системы порождает противодействие, направленное на ослабление внешнего воздействия. Для психического мира человека доминирование искусственного и подавление спонтанного оказывается также разрушительным.

В свете экологического кризиса технократическое мышление широко применимо для решения насущных проблем современности. Оно отражает не мир, а свои ценности бытия. Все проблемы развития экономики потребления, могут быть решены путем взимания дополнительного экологического налога, созданием «экологически чистых производств»⁷⁰. *«Технократы искренне верят в то, что технологический прорыв (technological break-through) обеспечит устойчивое будущее»*

[110]

⁷⁰ Одним из анекдотичных случаев является «возведение» метрополитена в ранг «экологически безопасного транспорта» – подобное утверждение украшает вагоны столичной подземки. «За кадром» остается ответ на вопросы о причинах сокращенного рабочего дня всех работающих под землей, об уровнях шума и вибрации, воздействующих как на пассажиров, так и на жителей домов **над** трассами метро, и многие другие вредные – «экологически опасные» – воздействия. Для технократического мышления важно, что в метрополитене нет выделения окисей азота и углекислого газа. Этих выбранных за ключевые экологические факторы воздействий нет, следовательно, по их мнению, метрополитен не представляет экологической опасности.

человечества» [57. С. 107-108]. Для технократического мышления свойственно предлагать лечение следствия путем модернизации причины⁷¹.

Сохраняя, а точнее, модернизируя *status quo*, технократ оставляет незабываемыми основания собственного существования. До тех пор, пока потребность в Великой Триаде будет определяться самими элементами Триады, его существованию ничто не угрожает.

Наличие внешних ценностей, императивов, да вообще чего угодно неподконтрольного технократу должно быть устранено либо рационализировано. При этом все, что не удастся рационализировать, устраняется как несущественное, и представление о мире формируется на основе модели с исчерпывающим набором факторов, обеспечивающим однозначное наступление выгодных технократу событий. На мой взгляд, опасность технократического мышления заключена в подобном игнорировании любых не поддающихся расчету факторов.

Решение глобальных экологических задач, должно включать в себя такое этическое мировоззрение, которое позволит реализовать в разных регионах, с различным населением, различающимися религиями и культурами, тот подход к жизни, который позволит осуществить программу устойчивого развития. Подобная форма этики не может не опираться на существующие в данном регионе религии, в противном случае это будет не востребованное населением теоретическое предложение о некоторых формах поведения.

[111]

⁷¹ Рассматривая феминистско-лингвистические попытки трансформировать язык, С.Шаров делает оправданный вывод о том, что создание гендерно нейтрального языка не только не возможно, но и разрушает сложившуюся веками систему коммуникаций [99. С. 20-43]. С моей точки зрения, насильственная трансформация языковых конструкций и правил словоупотребления отражает технократические тенденции в феминистическом движении. Как это часто бывает, в технократическом мышлении произошла подмена причины и следствия, а борьба за права женщин превратилась в гротеск.

«Без привлечения философского и религиозного мировоззрения призывы к сохранению природы и жизни на Земле не находят убедительных обоснований с научной точки зрения» [46. С. 145].

Я предлагаю не новую этику, а новое основание для той части этики, которая затрагивает взаимоотношения социума и природы. Не ставя сверхзадачи сформировать исчерпывающим образом этику нового времени, отвечающую экологическому вызову, попытаюсь обрисовать основные черты **техноэтики**.

«**Техноэтика**» своей первой морфемой **отражает техническую и технологическую мощь человечества**, ставшего, согласно В.И.Вернадскому, «геологической силой». Для контролируемого и максимально управляемого протекания экологического кризиса, для смягчения отдельных его элементов от человечества потребуются поистине «тектонические» усилия не только и не столько в сфере техники, сколько в сфере духа. (Достаточно не делать то, что при помощи технического осуществляется повсеместно. Такой технологический принцип «у-вэй» – «недеяние», может оказаться достаточным для смягчения кризиса.) Вторая морфема отражает **распространение моральных отношений** на возможность создания, применения и оценку последствий использования технических усовершенствований не только в сфере инженерной и технической деятельности, но и **в повседневной жизнедеятельности основной массы людей [60]**. И распространение этой моральной оценки на человека и его окружение включает в себя всю сферу человеческой деятельности, т.е. будущее самого человечества как вида и рода (прямых и косвенных потомков), его прошлое и будущее, окружающую живую и неживую природу.

Включение всего пространственного и временного окружения человека в сферу моральной ответственности требует пояснения. Одно из наиболее распространенных обвинений антропоцентризма заключалось в приравнивании его к эгоизму. В такой трактовке, особенно в ее исторической ретроспективе, много справедливого. Но будет ли оправдан отказ от антропоцентризма в пользу «природоцентризма», особенно в его так называемой «восточной» трактовке?

Воззрения Индии, Китая, Японии часто противопоставляются западному (европейскому) антропоцентризму как альтернативные, считается, что они способные помочь европейской цивилизации увидеть выход из экологического кризиса. При этом забывается целый список причин, по которым эти формы мировоззрения не окажут никакого влияния на протекание экологического кризиса. Часть из них заключена в том, что мировоззрение восточных народов основано на религиозных представлениях, тогда как современный (XIX-XXI вв.) европейский антропоцентризм базируется на атеистических основаниях.

Реальная политика в области природоохраны в Индии и Китае значительно уступает странам европейской цивилизации [113. Р. 195]. Таким образом, можно утверждать, что создается миф, в превратной форме изображающий гармоничные отношения человека и природы.

Для стран европейской цивилизации будет полезен не отказ от антропоцентризма, а трансформация его в более щадящий, по отношению к окружающему миру вариант, который будет определять наше дальнейшее существование.

Увидеть мировоззренческие основы ограничения антропоцентризма, как формы эгоизма вполне возможно. Одним из путей этого будет распространение сферы моральной ответственности на живую и неживую природу[111], этот подход не только не противоречит антропоцентризму, но и является серьезной защитой от его эгоистичного варианта. Защита природы, в первую очередь, необходима нам самим для нашего дальнейшего существования (с точки зрения атеизма), для сохранения и преумножения того дара, который был нам даден Отцом нашим небесным (для христиан)⁷². Распространение морали, на отличные от человека объекты достаточно спорно. Обосновать это можно, на мой взгляд, тем, что **все объекты природы, поскольку включены в сферу деятельности**

[113]

⁷² См. Притча о талантах (Мат. 25,18). Подробное рассмотрение экологических мотивов в Ветхом и Новом Заветах см. [108. Рр. 36 – 40].

и потребления человека, являются прямыми или косвенными проводниками нашего воздействия на других людей⁷³. Из посреднической роли природы вытекает и моральная ответственность за сохранение прошлого в его культурных и природных проявлениях, а также и забота о грядущих поколениях. Нет ничего в сфере деятельности человека, что не являлось бы вне моральным по отношению к другим людям.

Рассмотрев возможность трансформации антропоцентризма, перейду к «технической» стороне техноэтики.

В результате научно-технического прогресса и последующей научно-технологической эволюцией, произошло доминирование технологий и использование техники во всех видах коммуникаций. Проникновение техники и объединение человечества при помощи технологий стало глобальным, а скорость трансформации социума превысила адаптивные возможности культуры. Интеграции техники и технологий в культуру так, как это было раньше, не происходит. Техника, как ледокол, разрушает устоявшиеся связи, нормы, правила, и только отдельные фрагменты былого еще могут обманывать своей статичностью. Закономерным последствием «технизации» стало катастрофическое отставание в разработке норм этической адаптации общества к последствиям научно-технического прогресса и экологического кризиса.

Поступок, преумноженный технической мощью, нуждается в ограничивающих его нормах этики. Без рациональной разработки, таких норм обойтись уже нельзя. Альтернативу можно пред-

[114]

⁷³ Это утверждение не исключает возможности приравнивания к человеку других живых существ и наделения их моральной и юридической ответственностью. В первую очередь необходимо обратить внимание на статус человеческого эмбриона, зародыша и плода, которым приписывается «нечеловеческая» – животная природа, что используется для оправдания аборт. В качестве примера, расширяющих сферу морали и юриспруденции, можно привести обезьян, обученных говорить на языке глухонемых, морских млекопитающих – дельфинов и китов, – в случае признания у них языка и, следовательно, сознания.

лагать на основе технократического мышления. Всю сложность социально-геосферных отношений можно постараться свести к инструкции по эксплуатации техники. Такое решение будет исключительно технократичным. В области социальных отношений – бюрократизация всех сторон жизни, мелочная регламентация отношений, множество согласований для принятия даже незначительных решений, развитие контролирующих органов, что неминуемо приведет к неповоротливости и взаимной противоречивости общественных отношений.

Иное решение предлагается в рамках техноэтики, призванной формировать отношение людей науке, технике и технологиям в условиях экологического кризиса. **Скорость смены поколений технических устройств, появление новых, продиктованных технологиями отношений порождает конфликт уже не между «отцами» и их «детьми», а между поколениями с десятилетним отличием в возрасте.**

Ускорение социальной жизни, вызванное техникой и технологиями, фиксируется в большей скорости речи городских жителей (по сравнению с сельскими), в увеличении темпа музыкальных произведений. Это понимал еще А.Бердяев, когда писал: «... все болезни современной цивилизации порождаются несоответствием между душевной организацией человека, унаследованной от других времен, и новой, технической, механической действительностью, от которой он никуда не может уйти. Человеческая душа не может выдержать той скорости, которой от нее требует современная цивилизация. Это требование имеет тенденцию превратить человека в машину» [11. С. 158].

Человек «омашинивается» по-разному. С одной стороны, существует устойчивая тенденция к симбиозу человека с механикой (внедрение искусственных имплантантов, например), но это диктуется медицинскими причинами и уже не вызывает серьезного опасения. Но такая тенденция не для всех людей и не от здоровой жизни. С другой стороны, попытки соединить в единое целое нервную систему человека и электронные приборы уже не фантастика, а реальность. Здесь опасения большие,

так как появление у подобных симбионтов новых возможностей открывает перед ними радужные перспективы, каковые и вызывают опасения у обывателей. Будет ли подобный человек человеком в привычном смысле этого слова, не принесет ли он вред остальным людям, какими этическими и нравственными нормами он будет руководствоваться при общении с себе подобными и остальными, не возомнит ли он о себе как о Сверхчеловеке, а о нас как о «плевках под ногами». Все эти и многие другие вопросы становятся актуальными и не разрешимыми на научных основаниях.

До тех пор, пока не появится достаточное количество подобных технических объектов, нельзя будет обоснованно говорить об их поведении. Но тогда, когда они появятся, уже поздно будет говорить о причинении ими вреда обычным людям. (Мне кажется, что «ничего плохого» не будет, «просто» подобная нагрузка на психику, приведет к психическим и функциональным расстройствам).

Но человек «омашинивается» и по-другому. Он вовлечен в ритм современного производства и быта. Этот ритм определяется уже не биологическими и географическими факторами, а техническими и технологическими. Восприятие мира при помощи телевидения и Интернета, телефона и радио, СМИ стало определяющим в формировании мировоззрения человека современного. Он не просто думает при помощи машин, он уже часто думает как машина. Человек не смог научить машину думать и от этого ощутил одиночество. Он стал машиноподобным, и поэтому, попытался в технике обрести друга.

«Дружба дружбой, а служба службой», и техника – не более чем обслуживающий элемент нашей жизни. Не следует из нее творить кумира⁷⁴. В противном случае, человек наделяет технические объекты антропными чертами, ищет в них интеллект,

[116]

⁷⁴ «... и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли» (Исход 20, 4).

влюбляется, наделяет свободой воли – демонизирует... Игра с техникой приобретает религиозный оттенок поклонения. Человек начинает служить технике.

Одним из путей решения экологических проблем представляется включение природы в сферу этики. При помощи такого расширения этики удастся теоретически обосновать защиту природы. Расширение этической проблематики и включение в нее природы необходимо из-за ускорения трансформации среды обитания человечества. Ее геосферные составляющие трансформируются настолько быстро, что ни они сами, ни человечество не успевают адаптироваться к происходящим изменениям. *«Сами процессы природы как бы слепы; в рамках естественных законов природа открыта нашему регулирующему вмешательству. С биологической точки зрения реакция природы заключается в том, что с разрушением окружающей среды в конечном счете станет невозможной сама жизнь. Если же мы хотим предотвратить такой исход, то должны сами заранее налагать соответствующие **ограничения**. Собственно говоря, мы должны с точки зрения этической дальновидности принимать во внимание также и далеко идущие временные и пространственные последствия наших технических мероприятий»* [81. С. 164]. Глобальность и скорость происходящих изменений не имеет аналогов в прошлой истории человечества. Н.Н.Моисеев писал: *«... антропогенные изменения окружающей среды уже при жизни одного поколения существенно меняют условия жизни людей и надежда на «естественную», т.е. стихийную, адаптацию цивилизации человека к подобным изменениям становится не только иллюзорной, но и крайне опасной»* [66. С. 8].

Как в условиях выработки межчеловеческих отношений (т.е. многообразие межличностных, межкультурных, межконфессиональных, межцивилизационных коммуникаций), так и в условиях взаимной адаптации человеческого общества и природы у нас нет того временного запаса, который был у наших предков, зато у нас есть технико-технологическая мощь, в частности, военная, способная в короткий срок видоизменить окружающий мир.

Традиционный путь проб и ошибок выработки этических норм занимает столетия. Теперь он вынужденно заменяется на рационально предлагаемую этику. Высокая скорость научно-технического прогресса требует разработки этических норм ответственности за использование технических средств (научных достижений) на практике, а также их применения людьми различных религий и культурных общностей. Создание этики, соответствующей реалиям экологического кризиса (понимаемого и как кризис в духовной сфере), может быть осуществлено только в рамках традиционных религиозных конфессий. Для формирования экологического сознания необходимо найти опору в уже существующих этических моделях. Таковыми являются традиционные религии, в них исполнение этических норм жестко контролируется. Вне опоры на изменение мировоззрения миллиардов людей потребности в сохранении природы экологические законы будут встречать неуклонное противодействие, как поведение навязываемое, и противоречащее существующим религиям и традициям. Любые политические решения «киотских мудрецов» будут восприниматься фундаменталистами всех видов и подвидов как культурная агрессия стран «золотого миллиарда» — новый культурный колониализм. И реакция будет адекватной оказываемому давлению.

Перед человечеством в лице его многочисленных религиозных и светских объединений стоит задача найти на практике ответ на следующий вопрос: «Мы уже полностью подчинились технологиям или еще способны управлять порожденным Франкенштейном?». От полученного ответа будет зависеть выживание человечества как вида, а также сохранение культурных, интеллектуальных, нравственных и материальных ценностей, которые позволяют нам осознавать себя как Человека – во всем многообразии значений, вкладываемых в этот термин.

Было бы наивным предполагать, что не существует тенденции высвобождения техники и технологии из-под власти человека. Этот процесс инициирован человеком. Он находит отражение в технократическом мышлении, в системе дегуманизированного

естественнонаучного инженерно-технического образования. Причины этого в том, что человек стремится переложить свою ответственность на других: общество, государство, время, географические условия, царящие нравы, других людей и т.д., в том числе и на технику, и технологии. Интерес к перекладыванию ответственности на технику и технологии вызван их тотальной масштабностью, уверенностью в их «рациональности», т.е. абсолютной объективности. Последнее мифологизируется и получает обоснование в представлении о «внеэтичности техники и технологий». Для обывательского сознания техника и технологии предстают как эффективные средства и способы установить жесткое следование законам, обеспечить равные права и равные возможности людям, предоставить в распоряжение людей некую уравнивающую силу, способную обеспечить их нивелирование к общему (общечеловеческому) знаменателю. «Бог создал людей, а Сэм Кольт сделал их равными» – гласит народная американская мудрость XIX в. Ярким подтверждением развития процесса перекладывания ответственности на технику и технологии стало применение машин для подсчета голосов избирателей.

Такой раздел этики – техноэтика – будет все более и более востребован по мере нарастания экологического кризиса. Невозможность разрешить проблемы перехода к стратегии «устойчивого развития» политическими методами заставляет искать обходные пути и в частности, изменением мировоззрения людей, формируя новые ценности и императивы в области поведения в обществе, в потреблении товаров и услуг, в отношении к окружающей природе.

Отставание адаптации общества к техническому окружению может быть сокращено. Одним из возможных способов является постоянная выработка этических норм, регламентирующих взаимоотношение человека в рамках небольших географически локализованных объектах с окружающим миром посредством техники. Из участников социо-геосферных взаимодействий: индивидуумов, общества, техники, живой и неживой природы, только человек обладает способностью разумного поведения в изме-

нящейся среде. Все остальные субъекты либо эволюционируют по пути проб и ошибок, либо сохраняют пассивность (техника, неживая природа).

Апелляция к этике отдельного человека не представляется единственным путем внедрения техноэтических норм в структуру социума. Хотя отдельный человек играет значительную роль в процессе познания окружающего мира и его неповторимая индивидуальность накладывает отпечаток на весь процесс познания и применения знания на практике (техника), попытка обратиться к нему будет «размыта» разнообразием личностных характеристик. Гораздо продуктивнее обращаться не к отдельному индивидууму с предложением изменить структуру его этики, а к определенным сообществам, обладающим едиными (или сходными) ценностями и мировоззрением.

Техноэтика не является еще одним видом профессиональной этики, если, конечно, не рассматривать жизнь и дальнейшее выживание на планете как профессиональную деятельность экстремального толка. Техноэтические предложения направлены на обывателя, который может и должен выполнять этические требования своей профессии (инженерной, врачебной, научной и т.д. этики), но для многих профессий специальные этические нормы не выработаны. Также представляется сложным обоснование причин, на основании которых необходимо соблюдать этические нормы. Любая попытка представить техноэтические нормы в качестве императива поведения будет наталкиваться на сопротивление традиционных установок и обычаев, принятых в том или ином обществе.

При создании норм техноэтики не нужно стремиться предложить новые этические основы для принципиально иной формы мировоззрения. Подобная практика будет аналогична созданию новой религии. Необходимо направить усилия на выработку этических отношений к технике, базирующиеся на принципах уже существующих религий. В рамках мировых религий: христианства, ислама, буддизма и ряда других религий – существуют нормы, регулирующие взаимоотношения человека и окружающего

мира. Использование уже существующих норм в современном мире представляется наиболее успешной стратегией для внедрения техноэтики в массы. Необходим богословский анализ положений различных религий и усиление или смещение акцентов на существующие экологические проблемы.

Представляется очевидным, что многообразие религий приведет и к многообразию техноэтических положений в разных регионах планеты и в различных культурах. Такой веер возможных решений приведет к различным: успехам и неудачам. Но нет и не может быть одного «правильного» пути по преодолению экологических проблем. При наличии различных экономических условий и разнообразных геоклиматических условий единственно правильный путь – это путь разнообразных решений, приводящих к ослаблению техногенного воздействия на био- и геосферы, сохранению видового разнообразия биосферы и культурного разнообразия социосферы. Вне рационально созданных техноэтических норм адаптация человеческого общества к изменяющимся условиям будет приводить к усилению экологического кризиса как во внешней природной среде, так и в социальном окружении.

Все вышеизложенное демонстрирует широкий плюрализм мнений и отсутствие единого «общечеловеческого» подхода к решению глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Очевидно, что игнорирование различий в экономической, политической, культурной, религиозной сфере не позволит создать действенной этики, способной изменить поведение людей и правительств настолько, насколько этого требуют экологические реалии. Использование разнообразного религиозного опыта, накопленного в различных природных условиях среды обитания человека, делает этот опыт незаменимым для поиска выхода из экологического кризиса.

Футурологическое заключение

Подводя итог рассмотрения технической реальности, попытаюсь представить будущие варианты ее развития.

Для России, страны с непредсказуемым прошлым, угадывать будущее также сложно. В прошедшей истории нашей страны попыток технической модернизации предпринималось много. В новое и новейшее время цель состояла в достижении паритета с Западной Европой. Реформаторы видели разные пути и способы модернизации. Реформы затрагивали различные аспекты государственного устройства. Но можно утверждать, что все эти реформы страдали общим недостатком: все реформаторы пытались решить стоящие перед ними проблемы, выделяя приоритетное направление и модернизируя лишь его. Наиболее уродливыми, конечно, были реформы Петра I, создававшего промышленность и строившего русский «капитализм» на крепостном праве. Естественно, капитализм он не создал и Россию не модернизировал, так как хотел. Сколько не вкладывай средств в модернизацию промышленности, без модернизации социальных отношений результат будет плачевен. Но и обратный процесс перестройки общества – без модернизации науки, образования, техники и технологий – будет давать негативный результат. Великий социальный эксперимент, начатый в октябре 1917 г., разрушил промышленное производство, вверг страну в голод и хаос. Потребовались десятилетия, чтобы преодолеть эту разруху путем восстановления крепостной колхозной зависимости и рабского труда на производстве. Соотношение модернизации науки, техники, технологий и общества вернулось к уровню состоянию существовавшему до 1861 г. Удивительно, но реформы А.Н.Косыгина и М.С.Горбачева были построены на таких же ошибочных основаниях. В эпоху Застоя общество находилось в стагнации, что обеспечило крах

реформ, а во времена Перестройки трансформация общества осуществлялась без соответствующих трансформаций в промышленности. Можно согласиться с Р.Л.Хейлбронером, указывающим на связь технологического и экономического детерминизмов с капиталистическим устройством общества и вычеркивающим любые формы социализма (под этим он понимает плановую в масштабах страны экономику советского типа) из этой взаимосвязи [107 Рр. 73, 75-77]. На основании этого можно говорить о невозможности использовать экономические стимулы для развития страны. События конца XX столетия создали основание для совместного развития экономики и общества, сняли идеологические и политические ограничения, но «воз и ныне там». Причины этого в том, что устранены только внешние ограничения, но общество и его ценности еще не изменились. Ответное влияние общества на науку, технику и технологии запаздывает. Поэтому представление о наличии только однонаправленного воздействия Великой Триады на общество неправомерно.

Путем успешной модернизации сегодня является синхронная трансформация общества и развитие технологий. Технократизм, упрощающий все сложные системы, не способен к такому разноплановому преобразованию. С точки зрения технократического мышления, для общества и для технологий, либо не существует принципиальных различий, либо потребности общества предстают малозначимым фактором на фоне технологических трансформаций. В любом случае, сложная система взаимодействия социума и технической составляющей оказывается недоступна технократам.

Научная, техническая и технологическая модернизация России, экономическое благополучие страны может быть создано при появлении менеджеров всех звеньев управления, понимающих значение конкретных людей – участников технологических сетей в достижении успеха. Рассмотрение абстрактного «человеческого фактора» делает невозможным решение стратегических и тактических целей модернизации, а в случае достижения отдельных успехов потребует колоссального напряжения всех ресурсов. Никакие отдельные успехи не смогут заменить разнообразных технологий, составляющих основу экономического процветания страны.

Литература:

1. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники – М.: Московский философский фонд, 1998. – 343 с.
2. Адорно Т.В. Проблемы философии морали – М.: Республика, 2000. – 239 с.
3. Аркин Д. Ле Корбюзье / Архитектура современного запада – М.: ИЗОГИЗ, 1932.
4. Архитектура советского театра – М.: Стройиздат, 1986. – 398 с.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество – М.: Логос, 2002. – 325 с.
6. Бауман З. Свобода – М.: Новое Издательство, 2006. – 129 с.
7. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – 188 с.
8. Барбур И. Этика в век технологии – М.: Библейско-богословский институт Св. Апостола Андрея, 2001. – 380 с.
9. Белоусов В.Н.: Смирнова О.В.: Семенов В.Н. – М.: Стройиздат, 1980. – 144 с.
10. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире: (К пониманию нашей эпохи) – YMCA-PRESS, Paris, 1934. – 84 с.
11. Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии 1989. № 2. С. 147-162.
12. Борейко В.Е. Прорыв в экологическую этику, изд. 4, доп. – Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2005. – 208 с.
13. Бочаров Ю., Раппопорт А. Градостроительные трактаты Ле Корбюзье и проблемы современного проектирования / Ле Корбюзье Три формы расселения. Афинская хартия – М.: Стройиздат, 1976. – 136 с.
14. Воробьев Д. Когда государство спорит с собой. Дебаты о проекте «поворота рек» // Неприкосновенный запас. 2006. № 2 [046]. С. 85-102.
15. Воронин А.А. Миф техники – М.: Наука, 2004. – 200 с.
16. Гильберсеймер Л. Проблемы градостроительства // Архитектура современного запада – М.: ИЗОГИЗ, 1932.

17. Гончаров В.П. Геном и клонирование человека (философский аспект) – М.: Современные тетради, 2002. – 104 с.
18. Горный С.М. Предисловие / Корбюзье Планировка города – М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1933. – I–X с.
19. Горохов В.Г. Петр Клементьевич Энгельмейер. Инженер-механик и философ техники. 1855-1941 – М.: Наука, 1997. – 223 с.
20. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе – М.: Политиздат, 1991. – 480 с.
21. Грэхэм Лорен Р. Призрак казненного инженера: технология и падение Советского Союза – СПб.: Общеввропейский дом, 2000. – 188 с.
22. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь – М.: Товарищество Клышников, Комаров и К°, 1992. – 510 с.
23. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации – М.: Экопрос, 1993. – 576 с.
24. Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии 2004. № 3, С. 19-27.
25. Гусейнов Г. Введение в эрратическую семантику (на материале «Живого журнала») // Integrum: точные методы и гуманитарные науки – М.: «Летний сад», 2006. С. 383-405.
26. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии – М.: Наука, 1990. – 575 с.
27. Ефременко Д.В. Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция – М.: ИНИОН РАН, 2006. – 284 с.
28. Завилянский И.Я., Блейхер В.М., Крук И.В., Завилянская Л.И. Психиатрический диагноз – Киев: Выща школа, 1983. – 311 с.
29. Зинченко В.П. Рассудок и разум в контексте развивающего образования // Человек. № 4, 5. 2000.
30. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии – М.: Тривола, 1994. – 304 с.
31. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Изд. в 2-х т. Т.1. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 656 с.
32. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Изд. в 2-х т. Т.2. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 612 с.
33. Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество // Общественные науки и современность 2001. № 3. С. 140-152.

34. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс – М.: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда», 1938 – 351 с.
35. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации – М.: Айрис-пресс, 2004. – 479 с.
36. Кан Г. Грядущий подъем: экономический, политический и социальный // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 169-205.
37. Козлов С.В. Наука и нравственная ответственность ученых – М.: Издательство Фон, 1998. – 30 с.
38. Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития. – М.: Издательство Республика, 1997. – 240 с.
39. Коновалова Л.В. Прикладная этика (по материалам западной литературы). Вып. 1: Биоэтика и экоэтика – М.: ИФ РАН, 1998. – 216 с.
40. Кравченко И. И. Общественный кризис XX века и его отражение в ряде западных концепций // Вопросы философии. 2001. № 8.
41. Кудрин Б.И. Введение в технетику. 2-е изд.: пер. и доп. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1993. – 552 с.
42. Кудрин Б.И. Еще раз о третьей научной картине мира: Материалы к VI науч. конф. По философии техники и технетики – Томск, 2001. – 76 с.
43. Культура и коммуникация: глобальные и локальные изменения / Под общ ред. докт. филос. наук Ю.В.Петрова. – Томск: Изд-во НТЛ, 2004. – 400 с.
44. Кун Т.С. Структура научных революций – М.: АСТ, - 2003. – 605 с.
45. Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров – Н.-Новгород: Издательство «Нижний Новгород», 1994. – 199 с.
46. Курашов В.И. Философия: Познание мира и феномен технологии. – Казань, КГТУ, 2001. – 327 с. С. 145.
47. Ленк Х. Размышления о современной технике – М.: Аспект Пресс, 1996. – 183 с.
48. Лосев К.С., Горшков В.Г., Кондратьев К.Я., Котляков В.М и др. / Отв. ред. В.И. Данилов-Данильян, В.М. Котляков Проблемы экологии России – М.: Федеральный экологический фонд, 1993 – 348 с.
49. Ле Корбюзье. Архитектура XX века – М.: Прогресс, 1977. – 303 с.
50. Ле Корбюзье. Творческий путь – М.: Изд-во литературы по строительству, 1970. – 248 с.

51. Ле Корбюзье. Мастера архитектуры об архитектуре – М.: Изд-во «Искусство», 1972. – 591 с.
52. Ле Корбюзье. Медицина и хирургия / Планировка города – М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1933. – 145-156 с.
53. Ле Корбюзье Ш.Э. Модульор. Mod-1. Опыт соразмерной масштабу человека всеобщей гармоничной системы мер, применяемой как в архитектуре, так и в механике. Mod-2. Слово за теми, кто пользовался Модульором – М.: Стройиздат, 1976. – 239 с.
54. Ле Корбюзье. Ответы на вопросы из Москвы / Корбюзье Планировка города – М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1933. – 175-208 с.
55. Ле Корбюзье. Три формы расселения. Афинская Хартия – М.: Стройиздат, 1976. – 136 с.
56. Малкей М. Наука и социология знания – М.: «Прогресс», 1983.- 253 с.
57. Мантатов В.В. Стратегия разума: Экологическая этика и устойчивое развитие – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1998. – 208 с.
58. Мантатов В.В., Доржигушаева О.В. Экологическая этика: буддизм и современность. Научная монография – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1997. – 160 с.
59. Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки; Статьи – М.: Издательская группа «Прогресс», «Пангея», 1995. – 464 с.
60. Миронов А.В. Техноэтика как перспектива социально-гуманитарного знания // MONSTERA: (Философские проблемы социально-гуманитарного знания): Сб. науч. ст. Вып. 4. – М.: МГТУ «МАМИ», 2004. – С. 169 – 178. (Эту и другие мои публикации см.: www.t-e.nm.ru).
61. Миронов А.В. Наука, техника и технологии: техноэтический аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2006. № 1. С. 26 – 41.
62. Миронов А.В. Техноэтика: ответ на актуальные проблемы перехода к устойчивому развитию // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2004. № 3. С. 3 – 14.
63. Миронов А.В.: Цветнов Е.В. Естественная среда обитания человека: единство геосферных взаимодействий –МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: 2007 – 18 с. Деп. в ИНИОН РАН № 61158 от 18.01.2007.
64. Мис ван дер Роэ Л. / Мастера архитектуры об архитектуре – М.: Изд-во «Искусство», 1972.
65. Моисеев Н.Н. Заслон средневековью. Сборник – М.: Тайдекс Ко, 2003. – 312 с.

66. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии № 1, 1995. С. 3 – 30. С. 8.
67. Мулярова Е. Кейсом по фейсу // Бизнес ежедневная деловая газета 31 марта 2006 г. № 56 (321).
68. Мэмфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества – М.: Логос, 2001. – 408 с.
69. Мясищева Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 5 – 16.
70. Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества – М.: Директмедиа Пабблишинг, 2002. – 381 с.
71. Нейсбит Дж. Мегатренды – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380 с.
72. Новая технократическая волна на Западе – М.: Прогресс, 1986. – 451 с.
73. Новиков Ф.А. Зодчие и зодчество. Изд. 2-е – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 480 с.
74. Основы социальной концепции РПЦ - <http://www.russian-orthodox-church.org.ru>
75. Паршев А.П. Почему Америка наступает – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 370 с.
76. Платонов А.П. Ювенильное море: Повести, роман – М.: Современник, 1988. – 560 с.
77. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
78. Попов С.В. Методология организации общественных изменений / Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации / Под ред. В.М. Розина. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 45-62.
79. Работа, допущенная к соисканию Государственной премии РФ в области науки и техники – Ширококорпусные жилые дома (авторский коллектив под рук. М.А. Семенова) г. Боровичи Новгородской обл.» // Архитектура и строительство России. 2004. № 1-2. С. 38-39).
80. Райт Ф.Л. Мастера архитектуры об архитектуре – М.: Изд-во Искусство, 1972.
81. Рапп Фр. Многоаспектность современной техники // Вопросы философии № 2, 1989. с. 163 – 166. С. 164.
82. Рачков В.П. Техника и ее роль в судьбах человечества – Свердловск, 1991.

83. Рачков В.П., Новичкова Г.А., Федина Е.Н. Человек в современном технизированном обществе: проблемы безопасности развития – М.: ИФ РАН, 1998. – 194 с.
84. Розин В.М. Философия техники и культурно-исторические реконструкции развития техники // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 19-28.
85. Ромодан Б.Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (Проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 78-88.
86. Светлов С.В. Историческая экология, демография и биотехнология // Историческая экология и историческая демография. Сб. научных статей / Под ред. Ю.А.Полякова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 384 с.
87. Сен-Симон А. Катехизис промышленников // Избранные сочинения. Т. 2 – М.: Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948.
88. Суркова Л.В. Парадигма техницизма в цивилизационном процессе – М.: ИФ РАН, 1998. – 168 с.
89. Суркова Л.В. Технократизм: социокультурный феномен – М.: 1992. – 157 с.
90. Тарантул В.З. Геном человека: Энциклопедия, написанная четырьмя буквами – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 392с.
91. Таут Б. Что такое «новое движение» в архитектуре? / Архитектура современного запада – М.: ИЗОГИЗ, 1932. – С. 70-72.
92. Фоллмер Г. Мезокосм и объективное познание (о проблемах, которые решены эволюционной теорией познания) / Кезин А., Фоллмер Г. Современная эпистемология: натуралистический поворот – Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ – Гидрофизика», 2004. – 40-94 с.
93. Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1990, – 336 с.
94. Хазанов Д. Модуль Ле Корбюзье, его значение и перспективы практического применения / Ле Корбюзье Ш.Э. Модуль. Mod-1. Опыт соразмерной масштабу человека всеобщей гармоничной системы мер, применяемой как в архитектуре, так и в механике. Mod-2. Слово за теми, кто пользовался Модулем – М.: Стройиздат, 1976.
95. Хен Ю.В. Евгенический проект: «pro» и «contra» – М.: ИФ РАН, 2003. – 153 с.
96. Хёсле В. Философия и экология – М.: Наука, 1993. – 202 с.

97. «Хорошее общество»: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества – М.: ИФ РАН, 2003. – 182 с.
98. Циолковский К.Э. Мысли об улучшении общественного устройства / Космическая философия – М.: УРСС, 2001. – 478 с.
99. Шаров К. Мужчины и женщины: дуэли и партнерства: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2007 – 480 с. С. 20-43.)
100. Швыдковский О.А. Прикованный Прометей / Ле Корбюзье. Творческий путь – М.: Изд-во литературы по строительству, 1970. – С. 5-26 с
101. Щуров В.А. Новый технократизм: Феномен техники в контексте духовного производства. Монография – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. – 115 с.
102. Юнгер Г.Ф. Совершенство техники – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – 559 с.
103. Юдин Б.Г. Технологический императив // Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. – М.: Академический проект, 2004.
104. De George R.T. The Ehtics of Information Technology and Business. (Foundation of Business Ethics, vol. 3). – Blackwell Publishing 2003. – 289 pp.
105. Ellul J. The New Demons. – N.Y. The Seabury Press, 1975. – 228 p.
106. Ellul J. The Technological System – N.Y. Continuum, 1980 – 362 pp.
107. Heilbroner R.L. Technological Determinism Revisited / Does Technology Drive History? The Dilemma of Technological Determinism. Ed. by Merritt Roe Smith an Leo Marx – The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 1994.
108. Faith, Science and the Future: Preparatory Readings for a World Conference Organized by The World Concil of Churches at the Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, Mass., USA Jul. 12-24/ - 1979 – 236 p.
109. Keulartz J., Korthals M., Schermer M., Swierstra T. Ethics in a Technological Culture: A Proposal for a Pragmatist Approach / Pragmatist Ethics for a Technological Culture, (The International Library of Environmental, Agricultural and Food Ethics. Vol. 3), ed. by Keulartz, Jozef edc. – Kluwer Academic Publishers, Dordrecht 2002. Pp. 3 – 21.
110. Marx L. The Idea of “Technology” and Postmodern Pessimism – The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, and London, England, 1978. – 237 – 257 Pp.

111. Nash R. *The Right of nature. A history of environmental ethics.* – The Univ. of Wisconsin Press, Madison, 1989.
112. Pardo V.F. *Le Corbusier*, Thames and Hudson. London: 1971.
113. Parmar S. L. *The Quest for Appropriate Technology / Faith, Science and the Future: Preparatory Readings for a World Conference Organized by The World Council of Churches at the Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, Mass., USA Jul. 12-24. – 1979. 193 – 200 pp.*
114. Spier R. E. *Science and Engineering Ethics, Overview / Encyclopedia of Applied Ethics, vol. 4: S-Z*, Academic Press, San Diego - 1998. - 9 - 28 pp.
115. Veblen T. *The Engineers and the Price System.* – Transaction Book, - New Brunswick, USA, and London (U.K.) – 1983 – 151 p.
116. Winner L. *Autonomous Technology in Political Thought: Technics-out-of-Control as a Theme.* – The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, and London, England, 1978. – 386 pp.

Научное издание
МИРОНОВ Андрей Витальевич
ТЕХНОКРАТИЗМ – ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Редактор: К.Ахватова
Верстка: Е.Цветнов

Андрей Витальевич Миронов, кандидат философских наук, доцент кафедры философии естественных факультетов МГУ им.М.В.Ломоносова. Окончил Московский институт стали и сплавов, работал в Институте общей физики Российской академии наук. С 1996 года преподает философию и концепции современного естествознания.

Сфера интересов автора социальные аспекты научно-технического прогресса и научно-технологической эволюции, этические проблемы техник и технологий (техноэтика).

Главным в предлагаемой книге является представление о технократизме как стиле мышления и мировоззрении в современную эпоху. Наилучшим объектом, позволяющим раскрыть эту сущность технократизма, является архитектура. Поэтому интерес к великому французскому теоретику и практику архитектуры Ле Корбюзье вполне закономерен. Анализ его творчества позволяет увидеть проявления технократизма четко и ясно.